

ЩУКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА

ТОВАРИШЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА

Донская пер., 2013, № 5

1904

Жиганской купецъ Григорей Корякинъ.
Икутской купецъ Петръ Кандиной.
Икутской купецъ Ефимъ Кандиной.
Губернской регистраторъ Иванъ Борисовъ.
Унтеръ-офицеръ Савва Софроновъ.
Сержантъ Андрей Ширшаковъ.
Сержантъ Левъ Пирашковъ.
Икутской мещанинъ Василей Боярской.
Подлинную засвидѣтельствовалъ маіоръ Кайгародовъ.

Верно Генералъ Лейтенантъ Лебедевъ.

Записки отставнаго генералъ-маіора Сергѣя Ив. Мосолова.

Исторія моей жизни.

Начата писать въ городѣ Броннице, что по коломенской дорогѣ ибо я там жилъ.

1806 года февраля 8 дня.

Родился я 1750 года подъ плавиѣтою тельца; отецъ мой Иванъ Григорьевичъ Мосоловъ, отставной от артиллеріи капитанъ то замѣтил, ибо онъ зналъ многія науки; какъ то астрономію, фортификацію и всѣ части математики говорил по немецки и потому къ нам многія знатныя господа ежжали. Отецъ крестной мнѣ былъ Петръ Сталановичъ Колычовъ, а мать крестная княгиня Виземская; обо всем том мнѣ мать дала записку какъ я отправлялся въ службу *). Отецъ и мать были изъ росейскихъ дворянъ, за ними было въ уѣздахъ Шацкомъ и Муромскомъ 82 души; мать моя была роду Шапошиковыхъ, и жила послѣ смѣрти отца моего въ селѣ Алушки Шацкаго уѣзда въ котором селѣ отецъ мой похороненъ въ приходѣ своем, при церквѣ престола Казанской Богоматери у головы олтара; надъ могилою сво и камень послѣ от мѣня положенъ съ надписью присланной изъ Москвы, какъ я еще былъ секундъ маіором; скончался онъ 1760 года; предъ кончиною жизни своей позвалъ мѣня къ себѣ давъ руку поцаловать и благословилъ мѣня своими походными складнями **), образомъ Казанской Богоматери; тутъ же ево ангелъ

*) Да и книги многія техъ наукъ, послѣ какъ я прѣехал изъ арміи въ отпускъ, мать мнѣ отдала и скоропомоня тетради ево руки; съ разными замѣчаніями.

**) Отецъ мой всю войну адужилъ семилетнюю противъ Пруссіи и былъ въ разныхъ баталіяхъ и походѣ. О чемъ мнѣ послѣ мать чвето говорила, и отдала мнѣ все книги походныя и тетради ево руки.

Иоаннъ Креститель и Николай чудотворецъ, сей образъ во всехъ баталіяхъ, штурмахъ и сраженіяхъ всегда былъ со мною на груди, и поныи благодарю Бога! у мѣня цѣль. Хотя во время нашествія алмъхъ французовъ въ Москву, всіо у меня ограблено и сгорѣло; но образъ благословенія отца моего остался чудеснымъ случаемъ невредимъ и цѣль.

Въ селѣ Апушки гдѣ мы жили выучили мѣня грамоти по россійски читать и писать чрезъ дьячка приходской церкви Казанской Богоматери. Въ продолженіи жъ время от 7 лѣтъ до 10 со отцемъ я ходилъ каждой разѣ когда служба была к обѣдин и къ вечерни по ево волѣ хотя и очинь ленился и не хотелось; а особливо когда къ заутрени итить, что очинь редко отецъ мой манкировалъ; вставать рано трудно было мнѣ, а еще больше скушнѣя мнѣ бывало, когда не пустять меня овецъ своихъ беречь; до чего я былъ великой охотникъ. Всякой разѣ какъ отецъ ложился на постелю спать, то заставлялъ мѣня читать псалтырь; сію книгу отменно онъ почиталъ предъ прочими.

Поживши въ селѣ Апушки мать моя Дарія Трофимовна повѣхала къ сыну сноому а моему брату большому въ городѣ Арзамасѣ ево звали Иванъ Ивановичъ Мосоловъ, онъ служилъ по штатской службѣ былъ въ томъ городѣ секретаремъ, гдѣ мѣня и оставила на два года. правду скаазать тамъ мнѣ было очинь худо жить, отъ невески отменно злой; а опосля мать моя опять прѣѣхала въ городѣ Арзамасѣ откуда взяла и мѣня домой въ Апушку; и собравшись аямокъ мать моя повезала мѣня въ Москву, гдѣ по милости графини Прасковьи Юрьевны Салтыковой, съ которой она была знакома, по службѣ моего отца Ивана Григорьевича упростила фелдмаршала графа Петра Семеловича Салтыкова *) записать мѣня въ службу; почему и записанъ былъ въ Архангелогородской полкъ мушкетерской салдатомъ; самъ фелдмаршалъ взялъ мѣня за руку и отдалъ господину полковнику Неронову Павлу Васильевичу; то было въ залѣ, въ какой то торжественной праздникъ; ибо тогда много было у него полковниковъ и сказали „чтобъ онъ причисляши мѣня въ полкъ приказалъ имѣть о мнѣ попеченіе и учить всему что принадлежитъ для службы“. Нероновъ взявши мѣня къ себѣ спрашивалъ „не имѣю ли я у него въ полку ково знакомаго“ отвечалъ, что мать моя мнѣ сказывала, есть у него подпоручикъ со мною одной фамили Андрей Степановичъ Мосоловъ почему полковникъ и опредѣлили мѣня въ ту же роту, гдѣ онъ служилъ во 2-ю мушкетерскую салдатомъ.

Сіе было 1763 года февраля 5 дня, тогда отроду было мнѣ 15 лѣтъ, и призвалъ его к себѣ поручилъ меня ему, приказавъ чтобъ меня обуиндировали и ружьемъ учить. У него уже нашла меня мать моя Дарія Трофимовна Мосолова.

*) Отца мей во время пруской войны съ нимъ слуаиди.

Полкъ Архангелогородской вѣсь стоялъ въ Таганке гдѣ и братъ Андрей Степановичъ Мосоловъ жилъ въ ротѣ 2-й мушк. у капитана Арбекова, братъ меня заставилъ учить одному салдату всему, что требуетъ служба, а какъ одели меня въ мундиръ салдатскаго сукна, то я такъ былъ радъ сему, что теперь и не могу сего объяснить а особливо выучившись экзерцицію мѣтать ружьюм и повороты делать по салдацки, и потомъ представленъ былъ полковнику своему съ ружьюмъ, которой похвалилъ меня и произвелъ въ подъ прапорщики, что было того жъ года марта 16 дня. Получа сей чинъ, мать моя повезла меня въ тотъ же день къ графу Петру Семеновичу Салтыкову съ благодареніемъ и я какъ графа такъ и графиню Прасковью Юрьевну благодарилъ; уже былъ въ мундире и съ двумя позументами, после сего и на караулъ ходилъ, къ полковнику на квартиру, къ азнаменамъ подковымъ съ 12-ю человеками ридовыми, однимъ капраломъ, барабаникъ и флейщикъ; а какъ лѣтомъ смотръ кончился всемъ полкамъ московской дивизіи, то полки пошли по своимъ непремненнымъ квартирамъ.

Нашего Архангелогородскаго полку были квартиры въ городѣ Мосалекѣ: куда и я простая съ матерью пошелъ въ походъ имевши уже 16 лѣтъ подъ протекцію братнею Андрей Степановича Мосолова, которому меня мать поручила и просила, чтобъ меня по родству въ нуждахъ не оставилъ, давши мнѣ на путь и на протчія три рубли серебромъ, со мной простилась и неутешно плакала. Итакъ пришедши полкъ въ городъ Мосалекъ, расположился по квартирамъ, по деревнямъ, одинъ только штабъ и унтеръ штабъ остались квартировать въ самомъ городѣ, ибо оной городъ невеликъ мѣщанствомъ. Чрезъ несколько времени нашъ полковникъ Павелъ Васильевичъ Нероновъ, собравъ всехъ малолетнихъ дворянъ изъ ротъ къ себѣ въ штабъ и учредилъ гимназію, выписавъ изъ Москвы учителя богословіи и математическаго класса, отставнаго студента Теплова, которой насъ училъ читать и писать правильно, то есть россійской грамматикѣ чтобъ узнать раздѣленіе и склоненіе речей, ихъ падежи и прочему, часть риторикъ, а лотомъ преподавалъ арифметнику геометрію и тригометрію аль-гебру исторіи священнои и древней и богословіи.

Полковникомъ были куплены въ Москвѣ книги и инструменты, для бѣдныхъ дворянъ покупалъ на свой коштъ; а богатыя дворяно учившіяся тутъ же, сами покупали, и былъ аделанъ о двухъ флигеляхъ нарочно большой домъ, въ одномъ флигелѣ учились дворяне, а въ другомъ салдатскія дѣти, и насъ было всехъ дворянъ около 70 человекъ, и салдатскихъ дѣтей почти тоже; между темъ учились и ружью, ходили на караулъ и на ординаріи по очереди, какъ къ полковнику подъ азнамена, такъ и на гоубвахту къ своей гимназіи, надъ нами сверхъ того представленъ былъ поручикъ Михайло Борисовичъ Загряжской; и названъ директоромъ; смотреть за нашимъ поведеніемъ

въ квартирахъ и за опрятность учебныхъ мѣстъ и нашей аммуниціи ружейной; я не знаю провиденіе ли мнѣ подтверждадо, или отъ страху къ учителю только Богъ! мнѣ даровалъ, что предъ прочими моими товарищами я ушелъ, какъ въ наукахъ, такъ и въ исполненіи должности по службѣ, и за то по указамъ, которой былъ адъютантъ въ глазахъ полковника, и всѣхъ штабъ и оберъ офицеровъ, меня полковникъ произвелъ сержантомъ, того же году августа 4-го дня, а учитель далъ достоинство за прилежаніемъ по наукамъ цензора, и многихъ дворянъ мнѣ подчинить, для поправленія ошибокъ въ ихъ урокахъ и растолкованія; у сего учителя Теплова выучился грамматикѣ правильно писать и знать склоненіе словъ и речей, арифметики геометріи и часть тригонометріи и фортификаціи, также объяснялъ намъ исторіи разныя, натуральной и древней, географіи и богословія, а по французскя учился я только 9 месяцевъ; ибо учитель былъ нанятъ другой не скоро, коего звали M-r de Grave; а на третьей годъ въ манежѣ учились немного отъ офицера отставнаго кавалерійской службы; танцовать же намъ показывалъ самъ директоръ Заграцкой. А потомъ всею это кончилось походомъ.

Полкъ выступилъ и помаршировалъ въ Польшу въ 1767 году въ исходѣ онаго; а на рандеву собрались въ Польше въ 1768-мъ году въ походѣ я былъ пѣшкомъ и ружьёю піеся, а иногда ротвспилникъ мой Мосоловъ и капитанъ мой Бестужевъ Федотъ Борисовичъ давали мнѣ свою верховую лошадь, когда увидѣли что я усталъ. При началѣ 1769 года полковникъ меня приказалъ опредѣлить на помощь къ адъютанту Ныжову и назывался я флигель адъютантомъ въ томъ же сержантскомъ званіи и весь 769 годъ служилъ въ Молдавіи апреля 18 дня подъ Хотиномъ при атакѣ въ второй разъ неприятельскаго ретраншемента и занятіе Хотина, послѣ экспедиціи второй ночью, турки испугавшись, что много мы ихъ перекопали, а другія перетонули, спасаясь хотѣли переплыть въ Днестръ рѣке. Городъ Хотинъ оставили намъ; тогда былъ у насъ фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Прежде два раза къ городу ходили, но назавтра на свою сторону перешла армія, тѣтъ турки погордились, къ намъ переправились чрезъ реку Прутъ, которыхъ мы почти всѣхъ ночью перерезали застали сонныхъ въ ихъ ретраншементе; господинъ бригадиръ Кашкинъ съ козломъ своимъ больше всѣхъ отличился, а потомъ Сухотинъ и прочіи такъ о семъ было слышно; и послѣ сего славнаго разбитія фельдмаршалъ Голицынъ отъ командировалъ detachmentъ подъ командою генералъ поручика фонъ Штофельна, которой преслѣдуя остатки неприятеля почти дошелъ до Дуная, взявши молдавской городъ Ясы воложекой Букарештъ, гдѣ послѣ какъ мы уже туда жь съ полкомъ пришли, онъ умеръ чумой въ семъ же городѣ; забылъ я написать прежде еще подъ Хотиномъ была въ 769-мъ году июля 2-го дня полевая баталія ибо нашъ полкъ былъ въ арбергартѣ, какъ

шли назадь отъ непріятеля, и тутъ отличилась первая гранодерская рота подъ командою капитана Трегубова онъ дрался болѣе 8 часовъ, пока весь полкъ подоспелъ и конница; видно не думали чтобъ на обозъ напали турки; за что фельдмаршалъ Голицынъ сего капитана въ секунды малоры пронавелъ за спасеніе обоа а прочнихъ офицеровъ той же роты слѣдующими чинами награждать и солдатамъ по рублю далъ. Вначалѣ 770 года генваря 1-го по представленію полковника Неронова произведенъ я былъ въ настоящіе адъютанты на ваканцію графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ; ибо послѣ отъѣзда въ Петербургъ князя Голицына, сей Румянцевъ присланъ отъ государыни Екатерины Алексѣевны командовать 1-ю армію, которую онъ осматривалъ прѣхавши къ намъ, при мѣстечкѣ Чертчи, самъ былъ верхомъ и всё линіи объѣхалъ и говорилъ публично при разводахъ, что побѣды которыя „я теперь получаю „отъ переднихъ войскъ оныя совершаются отъ мудраго распоряженія и терпѣнія фельдмаршала Голицына, съ малѣйшимъ урономъ солдатъ“.

Въ ономъ 770 году уже подъ начальствомъ графа Румянцева, въ отдѣленномъ корпусѣ князя Николая Васильевича Рѣпина, нашъ полкъ находился въ баталіи июля 7-го въ Молдавіи, и при взятіи непріятельскаго ретранше-мента и лагеря, а 21-го на полевой баталіи при озерѣ Кагулѣ, тутъ была также лагерь, обозъ и пушки, насъ было не болѣе 30 тысячъ, регулярнаго и нерегулярнаго войска, а ихъ около двухъ сотъ тысячъ; послѣ занятія ретранше-мента и всего ихъ добраго перешли мы и Троянову дорогу славную по древней исторіи; многие дивизионные генералы просились съ корпусами остатки непріятеля догнать и разбить; но графъ имъ отвѣчалъ: „мы батюшка только „ихъ прогнали, а не побили, этому непріятелю меду и мостъ поставить“. При атакѣ силы турецкой и при входѣ въ ретраншементъ потерпѣлъ много каре генерала поручика Племянникова, ибо паша съ янычарами, вышедши вонъ изъ ретраншемента съ боку нечаянно на фасъ напалъ, что услышавши графъ Румянцевъ велѣлъ тотъ часъ туда бѣжать на помощь полку первому гранодерскому, и командовать самъ, ступай, ступай, за что послѣ и названъ имяннымъ повелѣніемъ лейбъ гранодерскимъ, и чины всѣмъ даны были.

Уже на другой день къ вечеру генералъ Боуръ пошелъ съ леташементомъ къ рѣкѣ Дунаю, гдѣ и нашъ полкъ тамъ былъ, а во время баталіи при озерѣ Кагулѣ нашъ полкъ находился въ каре подъ командою князя Николая Васильевича Рѣпина, противъ ихъ праваго фланга, въ фасъ подъ командою бригадира Вейсмана, что послѣ сдѣлался славнымъ генераломъ, на третій день къ сѣвѣ, туда мы пришли, гдѣ они переправлялись чрезъ Дунай, и застали ихъ еще болѣе 10 тысячъ, съ которыми бодрались и многихъ взяли въ полонъ, а другіе ушли къ городу Измаилу. Остановясь у переправы Казани, многихъ вытаскивали изъ воды мертвыхъ во всей одеждѣ и брони, но только руки

были обрублены; видно, и́сплялись за суда, кои отваливались от берегу. Въ 1771-мъ году октября 21-го, при атакѣ и взятіи за Дунаемъ города Мечина, подъ командою генералъ маіора Милорадовича въ дѣйствиельномъ сраженіи, и въ октябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ флотилію отъ Браилова до Силестры по Дунаю подъ командою генералъ маіора Григорья Александровича Потемкина, что послѣ былъ свѣтлѣйшимъ княземъ, и 28-го при деревнѣ Рожсевой было сраженіе и на землѣ и на водѣ при выходѣ на правый берегъ, были турки отбиты, и суда потомъ свободно проплы; а послѣ были распущены по квартирамъ и досталось нашему полку Архангелогородскому стоять въ Букарештѣ, гдѣ была чума; тутъ я болеть былъ оною, но къ счастью выдоровѣлъ, а собственный мой слуга Леонтіи Григорьевъ въ той же болѣзни умеръ: а я въ предосторожность всякій день мылся три раза укусомъ крѣпкимъ простымъ, и принужденъ былъ курить табакъ, хотя мнѣ было еще только 21 годъ. Потомъ въ 772-мъ году былъ въ походѣ и въ сраженіи подъ городомъ Турною, а октября 26-го при бомбардированіи города Русука, а ноября 3-го при переправѣ у Тургукая, на супротивный берегъ Дуная, а потомъ у Русука, гдѣ и была главная баталія; тутъ отличился нашего полка капитанъ Иванчинъ, а какъ по рекомендаціи графа Ивана Петровича Салтыкова ему ничего не дано, то и пошелъ въ отставку; онъ подъ берегомъ крутымъ съ своею ротой 1-ю гранолерскою на штыкахъ дрался съ турками, которые хотѣли въ тылъ намъ зайти, ибо мы стояли тогда кономъ, задній фасъ у насъ былъ Дунай рѣка; тутъ они храбро на насъ шли, думая, что такую жъ побѣду получать, какъ имъ удалось взять въ плѣнъ полковника, князя Петра Васильевича Рѣпина. съ полкомъ уже разбитымъ прежде сего.

Какъ отбили неприятелей и прогнали, графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, онъ былъ нашъ начальникъ, обложилъ почти войсками со всѣхъ сторонъ городъ Русукъ, что противъ Журжи, гдѣ 14 іюня близъ онаго въ дѣйствиельномъ сраженіи я находился въ отдѣленномъ 2-мъ баталіонѣ въ садахъ подъ командою подполковника де-Ласей, и отъ него же высланъ былъ съ ротой 9-ю мною командуемой противъ вылазки турокъ изъ города Русука, которую разбилъ и прогналъ, потерявъ самъ до 80 человекъ, за что по рекомендаціи за отличіе и награжденъ былъ капитанскимъ чиномъ, ибо я былъ уже поручикъ, въ который чинъ былъ произведенъ по линіи въ 773-мъ году генваря 1-го дня. Уже оный капитанскій чинъ получилъ по заключеніи мира при Капварджи въ 1774-мъ году ноября 24 дня. Забылъ я написать походъ нашъ къ урочищу прозванному Рябая Могила съ княземъ Рѣпиннымъ, противъ которыхъ татары и турки два раза насъ атаквали, перейдя черезъ рѣку Прутъ, при урочищѣ, названномъ Рябая Могила, (на томъ мѣстѣ императоръ Петръ 1-й былъ атакванъ, гдѣ онъ съ турками и заключилъ миръ 1711-го года

июня 18 дня) но были съ урономъ отбиты; тутъ мы много нужды претерѣли, мало было провіанту, а обоимъ нашъ быть отъ насъ далеко; то даже и офицеры бѣли два дни только одну жареную говядину, а какъ привезъ намъ капитанъ Ышевъ понтонные мосты, то уже мы стали переправляться на неприятельскую сторону и ихъ прогнали, тутъ и Воуръ къ намъ подошълъ съ detachmentомъ, да еще забылъ походить съ генераломъ майоромъ Черноевичемъ по Пруту къ Журжулесту или Ренику, почти всякій день съ татарами стычка была; сія крѣпостца лежитъ противъ Галаца на другой сторонѣ рѣки Прута; сіе было передъ 7-м числомъ іюня 1770 года.

Послѣ жь окончанія войны полкъ Архангелогородской пришелъ въ Польшу въ село Красное, гдѣ далъ мнѣ полковникъ въ команду 1-ю гренадерскую роту, а потомъ какъ полковникъ нашъ Матвѣй Петровичъ Ржевской уѣхалъ изъ полка въ отпускъ, оставилъ полкъ подъ командою подполковника Шипилона, который отъ слабости команды полкъ разстроилъ, и офицеры нѣкоторые завчали пить а другіе между собою драться. Я отъ сего чтобы удалиться переведенъ былъ по прошенію моему въ 1775 году сентября 20-го въ 4-я гренадерской полкъ, въ которомъ былъ полковникомъ Петръ Федоровичъ Талызинъ, гдѣ получилъ и въ командованіе 11-ю роту; въ ономъ полку я служилъ почти три года, въ Польшѣ и въ квартирахъ Смоленской губерніи, въ городѣ Рославлѣ, а стояли лагеремъ всегда близъ Смоленска.

Изъ оного пореведенъ по повелѣнію его сіятельства господина генералъ-фельдмаршала Петра Александровича Румянцова Задунайскаго, ко укомплектованію вспомогательнаго корпуса, состоящаго въ Польшѣ подъ командою генералъ поручика Павла Сергѣевича Потемкина въ Киевской пѣхотной полкъ 1778-го года октября 4-го дня, по представленію сего полка полковника Степана Степановича Апраксина, въ томъ же полку меня пожаловали по именному указу въ секундъ майора за то что въ Могилевѣ вмѣсто гвардіи была посланъ я содержать караулъ при государыніѣ Екатеринѣ 2-я 1780-го года сентября 18-го дня, а какъ уже полкъ Киевскій былъ на караулѣ въ Санктъ-Петербургѣ и при открытіи монумента или статуи царя Петра 1-го былъ въ церемониальномъ маршѣ; тогда полкъ удостоенъ былъ вмѣстѣ со всею гвардіею, и нашего полку какъ штабъ и оберъ офицеры, такъ и всѣ чины даже и рядовые за тотъ день въ знакъ достойной памяти получили медали. Я былъ верхомъ передъ 2-мъ баталіономъ, и при входѣ еще въ Петербургъ чрезъ Царское Село императрица Екатерина 2-я изволила пожаловать нижнимъ всѣмъ чинамъ по 1-му рублю а штабъ и оберъ офицерамъ указала объявить свое монаршее благоволеніе. У насъ и тогда былъ тотъ же полковникъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ нашъ полкъ еще и прежде былъ на караулѣ вмѣсто гвардіи у императрицы, въ городѣ Могилевѣ какъ изволила шествовать изъ Херсона о

чемъ я уже упоминалъ, а потомъ полкъ Киевской нѣзъ Петербурга пришесть зимовать въ городъ Нѣжинъ подъ команду опытъ фельдмаршала графа Румянцева Задунайскаго; а оттуда пошли для покоренія Крыма или Таврической области, тамъ состояли въ 782 и въ 788 годахъ подъ командою свѣтлѣйшаго князя Потемкина, по повелѣнiю коего я былъ переведенъ въ драгунской Астраханской полкъ, находящейся на Кавказской линiи въ 784-мъ году августа 1-го дня, куда я по слачѣ полку Киевскаго старшему по себѣ, ибо тогда я имѣ въ Крыму командовалъ, какъ полковникъ Апраксинъ уѣхалъ ко двору ея величества въ разсужденiи должности фнгель-адъютанта; будучи жѣ въ Крыму я для полку строилъ и казармы, отправился потомъ на Кавказскую линiю, заѣхавъ однакоже въ Москву, такъ было мнѣ приказано отъ полковника Апраксина; ибо и онъ прежде меня переведенъ былъ имяннымъ указомъ въ тотъ же драгунской Астраханской полкъ.

Въ Москвѣ я пробылъ 4 мѣсяца и влюбился въ живущую тутъ же въ домѣ Степана Степановича у сестры его Марьи Степановны Талызиной, въ монастырку дѣвушку престоинную, Настасью Ивановну Вутрюмову которая у нихъ жила, была выучена въ монастырѣ говорить хорошо по французски и писать, танцовать, пѣть по нотамъ, и играть немного на форть-пiаннѣ; помолвинши съ ней формальнымъ образомъ уѣхалъ служить на Кавказскую линiю въ Астраханской полкъ въ коемъ былъ болѣе 4 лѣтъ въ продолженiи сего время 785-го июня 8-го переправился чрезъ рѣку Терекъ на Сунжи, прогнали толпы бунтовщиковъ чеченцевъ; послѣ уже того какъ бригадиръ Пьерiи разбить отъ Шикаили Имана въ Дефилѣ, называемой Ханкалѣ, гдѣ и самъ убитъ былъ, а подполковникъ егерской пропалъ Каморской, а баталiонъ егарей и 2 гранодерскiя роты совсѣмъ разбиты были отъ его зависти, что Пьерiи не хотѣлъ раздѣлится съ нами надъ неприятелемъ побѣду и отъ того самъ пропалъ, ибо велѣно вѣсмъ собраться къ Сунжи рѣки 7 числа; а Пьерiи привелъ 6-го, и переправившись началъ дѣйствiе одинъ съ своимъ отрядомъ. Послѣ сего два лѣта я содержалъ кордонъ отъ Наура до Кизляра уже былъ произведенъ примьеръ-майоромъ 788 года, въ командѣ у меня были 4 гранодерскiя роты и 60 человекъ Гребенскихъ казаковъ. Гребенскими казаками они названы еще при жизни царя Петра 1-го, потому что они возвратились съ гребня горъ Кавказскихъ; ушедше изъ стрѣльцовъ российскихъ и были прощены отъ Петра 1-го послѣ авложенiи крѣпости Кизляра, почему они тамъ и поселены въ трехъ станцiяхъ. Сiи казаки точно также одѣты и наѣдка на лошадей такая жѣ какъ черкесы;—и 180 человекъ калмыковъ эти только тогда храбры, какъ погонивъ неприятелей, а какъ самъ ретироваться станешь: то первые жѣ уйдугъ. Потомъ дали мнѣ егарской баталiонъ съ нимъ также одно лѣто служилъ, но не удалось подраться, а потомъ какъ велѣно генералу Теклюю, нашему на-

чальнику Петру Абрамовичу, идти съ корпусомъ для диверсiи къ крѣпости Анапѣ, что на Черномъ морѣ во флангѣ Кавказскихъ горъ; а потомъ 788-го года при переправѣ за Кубань, какъ шли къ Анапѣ, я былъ тогда у генераль-майора князя Ратѣева дежурнымъ, за штабъ-квартирмейстера и партизаномъ; ей три должности отправлялъ при авангардномъ корпусѣ, нашелъ мѣсто гдѣ переправился цѣлый корпусъ чрезъ Кубань рѣку, отбѣлъ отъ онаго непрітели сдѣлавъ въ другомъ мѣстѣ фортъ переправу съ Гребенскими казаками и съ двумя ротами егарей за что меня хотя и рекомендовали, что первый переправился за Кубань но ничѣмъ не наградили а въ статутѣ кавалеровъ С-го Георгія сказано кто первый переправился на непріятельскую сторону тому дать крестъ. Въ маршѣ при рѣкѣ Кубани того жъ года сентября 20 дня въ генеральномъ сраженіи съ горцами и турками; здѣсь я посланъ былъ съ 4-ю казаками доброкониными и однимъ есауломъ Карауловымъ, чтобъ сыскать мѣсто и непрітели съ тылу зайтить, что мнѣ и удалось; только самъ было попался въ ихъ руки, ибо тѣ кони къ сраженію на помощь подоспѣвали отрѣзали меня, но я бросился вдругъ съ крикомъ изъ лѣсу, и отбѣлъ у нихъ одно знамя, двухъ абашиновъ закололи, ибо они думали, что насъ тутъ цѣлый казачій полкъ былъ; и я то знамя привезъ къ генералу Ратѣеву, онъ благодарилъ меня за знамя, и что я цѣлъ возвратился и велѣлъ съ собою идти одному полку и одному грандерекому баталіону за мною на то мѣсто которое и нашелъ для сраженія въ лѣсу на полянкѣ; тутъ пришедши построились мы двумя кареями, и непрітели испугавшись, что мы открыли съ тылу ихъ, канонаду изъ пушекъ по туркамъ и черкесамъ, кои всѣ скачутъ къ главному каре гдѣ былъ Текелия; но какъ увидѣли что мы ихъ отъ горъ отрѣзали, то всѣ толпы бросились уже на насъ и тѣмъ большой каре избавили отъ большого уроцу; ибо оный построился въ критическомъ мѣстѣ тѣсномъ, что горцы и турки изъ лѣсу били изъ ружей солдатъ, а ихъ было по видно, и за себѣ мнѣ князь Потемкинъ ничего не далъ, хотя и началомъ былъ для сохранения всего корпуса, а моему авангардному генералу Ратѣеву прислать орденъ 2-й степени Владимира. Послѣ сего подъ крѣпостію Анаповъ октября 14-го того жъ года не довольно открывалъ мѣста, дѣлалъ чрезъ рывенныя и буераки мосты; ибо мы шли Черными горами и занималъ оныя съ боемъ оружія, но еще генераль-поручика Петра Федоровича Талызина, бывшаго своего полковника избавилъ отъ смерти или бѣ въ плѣнъ попался; онъ хотѣлъ переѣхать отъ насъ на другую сторону болота посмотреть какъ тамъ дерутся егари его команды, и въ ономъ завязъ со всемъ своимъ 4-мя казаками конюемъ, и увидя его погибающаго, ибо абашицы разделились и голью къ нему изъ тропинку шли съ ружьями; въ ту жъ минуту выпросилъ я позволеніе у князя Ратѣева своего командира, чтобъ его отбить и вынести оттуда, что и удалось мнѣ исполнить, приказавъ

также раздѣться 40 сгарямъ и съ одними только ружьями да по 5-ти патроновъ привязавъ имъ каждому на шею; слава Богу! его отбить отъ горцевъ вытащили. Тутъ два сгаря были ранены, которымъ далъ онъ довольную плату, а мнѣ сказалъ „спасибо братъ что ты старую хлѣбъ соль поминишь“.

Отъ Анапы мы послѣ сраженія назадъ пошли, ибо отъ князя Потемкина не ведѣно было сію брать штурмомъ, хотя было и удобно; ибо въ крѣпости Анапѣ заперлись только турки одни, конхъ было не больше трехъ тысячъ, а горскіе пошны всѣ расположились по горамъ, не хотѣли помогать туркамъ въ городѣ Анапѣ. На возвратномъ пути почти каждой день горскіе жители насъ провожали пулями и стрѣляли изъ лукъ; но большаго вреда и сраженія мы уже не видали, а переправившись назадъ, или на свой берегъ Кубань рѣку, солдаты много потеряли нужды, отъ холоду и въ недостатокъ провіанта. И такъ сію экспедицію кончивши, я сталъ проситься въ отпускъ почему генераль Текедѣй и отпустилъ меня только на 20 дней, я былъ и тому радъ думая что еще поспѣю къ штурмѣ Очаковского, куда я и поспѣвалъ на почтовыхъ; но прѣбывая въ Екатеринославѣ городъ узналъ что уже Очаковъ взятъ, однакожъ я всею къ нему поѣхалъ посмотреть крѣпость и всю укрѣпленіе и апроши кон рыли наши; тамъ я нашелъ комендантомъ бригадира Юргенца, мнѣ знакомаго еще въ первую войну съ турками; онъ мнѣ сказалъ, что большая часть турокъ была севаскиромъ выведена изъ города въ ретраншементъ, которой довольно была укрѣпленъ и обширенъ; слѣдовательно сею же войско уже не могло войти въ крепость во время штурма; а всѣ поколовы у входа къ воротамъ, гдѣ сказывалъ онъ „великія кучи мертвыхъ телъ навалены были“. Откуда поѣхалъ и съ данными мнѣ отъ командировъ атестами, за дѣла мои во время походу къ крѣпости Анапѣ, изъ Санктъ Петербургъ, думалъ навѣрное крестъ егеревской получить; ибо въ статутѣ сказано, „кто первой стаетъ на непріятельской берегъ съ боемъ оружія тотъ получаетъ егеревской крестъ“. Но ошибся въ моихъ мысляхъ, а вина была только та, что не имѣлъ протекціи; хотя и многіе дивились, что я о сею пору безъ креста, я отгнѣчалъ имъ благодарю за сдѣланную честь, хорошо и то, что вы слышали о моихъ дѣлахъ, нежели бы у меня спросили, за что я получалъ? Видно я только щастливъ для откомандированія къ бою, а къ полученію награжденія другіе; и подлинно многимъ дали чины и кресты, а мнѣ ничего, я такъ и поѣхалъ на Кавказскую линію обратно, гдѣ уже нашелъ главнымъ командиромъ графа Ивана Петровича Салтыкова. Онъ меня взялъ къ себѣ изъ дежурныя; но недолго мнѣ досталось у него быть въ сей должности; ибо князь Потемкинъ перевелъ меня въ егерскіе баталіоны, по причинѣ что и былъ въ полку Астраханскомъ драгунскомъ сверхъ комплекта, а можетъ быть и другой чей умыселъ былъ тѣснить меня изъ угла въ уголъ цѣлаго государства, изъ Крыму къ Каспическому

мору къ Киаиру отъ туда опять на Черное къ Инкерману; но принужденъ былъ ѣхать взять съ собою бѣлье и одного человѣка Кіора, съ которымъ и въ кибиткѣ на почтовыхъ прѣхалъ въ Каушаны что въ Бессарабіи; это было 789-го года въ сентябрѣ тутъ стоялъ съ корпусомъ господинъ генераль-поручикъ графъ де Балменъ, къ которому я и явился, объявивъ что я ѣду къ свѣтлѣйшему князю Потемкину, для опредѣленія въ егерскіе баталіоны, имѣи отправленіе отъ графа Салтыкова; отъ мнѣ совѣтовалъ тогда лучше ѣхать одному съ казакомъ и верхомъ, нежели въ повозкѣ, въ разсужденіи опасности разбѣгающихся турецкихъ партій изъ города Бендеръ, а князь уже въ Бѣлградѣ или Инкерманѣ на Черномъ морѣ, который былъ взятъ на капитуляцію. Итакъ я оставилъ кибитку у подполковника казачкаго Колобайскаго, что былъ послѣ генераль-маіоромъ, а самъ съ казакомъ верхомъ поѣхалъ къ Бѣлграду или Инкерману. Дорогою ничего не случилось, кромѣ что дождь всего промочилъ. Прѣхавши туда тотъ часъ пошелъ къ Попову правителю письменныхъ дѣлъ и депеши, кои были со мною ему отдалъ. Живши тамъ 4 дни, спрашивалъ у него о своей судьбѣ; но онъ обыкновенно для кого былъ недобръ, то промолчить и уйдѣтъ вонъ изъ канцеляріи, или совсемъ запріотетъ. Итакъ я поживъ въ Инкерманѣ 10 дней уже почти и денегъ мало стало, да и въ одной рубашкѣ обчесался, выдумалъ для скораго отправленія стратажему; всегда за столомъ старался садиться противъ князя Потемкина, который лишь увидитъ меня, то тотчасъ спрашиваетъ Попова и выговариваетъ ему, для чего я не отправленъ, ибо князя только и увидишь за столомъ, а то рѣдкихъ къ нему пускали, а особливо нашу братью кои сгѣны дѣломъ своимъ пробивали безъ протекціи. Сіе я дѣлалъ 4 раза что былъ на глазахъ за столомъ; наконецъ уже Поповъ меня самъ спросилъ и съ гнѣвомъ навелъ выговоръ сдѣлать, для чего я попался на глаза къ князю? И ему отвѣчалъ для того, что я хочу чтобъ вы меня опредѣлили скорѣе къ мѣсту, — „вотъ тебѣ и мѣсто“ и далъ мнѣ отправленіе явиться въ Херсонъ къ князю Рѣпнину, къ которому я и поѣхалъ верхомъ до Каушанъ, а тамъ въ своей кибиткѣ; прѣхавши въ Херсонъ у князя явился, которой мнѣ повелѣніе княжю объявилъ, что я опредѣленъ въ Лифляндскій егерскій корпусъ въ 3-й баталіонъ на ваканцію баталіоннаго начальника 789 года ноября 18 дня, о чемъ и ордеромъ предписалъ шефу того корпуса генераль-маіору Мекнобу, чтобъ я принялъ 3-й баталіонъ отъ подполковника Стоялова на законномъ порядкѣ, на которомъ отъ сдачи и понынѣ осталось моихъ денегъ 300 ру. Баталіонъ 3-й я нашелъ совершенно разстроившій, ибо сіе время было послѣ штурма Очковскаго, ни обою ни амуниціи, а въ комплектъ недоставало 320 человѣкъ; обо всемъ подаль и рапортъ къ шефу и къ князю Рѣпнину.

Въ зиму построилъ я новый обозъ, людей одѣлъ, ружьи исправилъ, за

рекрутами самъ ѣздилъ въ Витовку, гдѣ жилъ бригадиръ Фальбергъ *), или въ городъ, что нынѣ Николаевъ, тамъ нашелъ воевъ рекрутъ почти голыхъ, такъ что нине почти въ рогожкахъ ходили, ибо свое платъо всею изорвали на работѣ каменной, что Фальбергъ приказывалъ дѣлать, то и сдѣлали, уже годъ какъ тамъ работали, и за то денегъ имъ никто не платилъ, изъ коихъ отъ испеченія по 10 мерли въ день и относили ихъ безъ поа и отпѣву какъ собакъ на носидкахъ зарывать въ ямы, и самъ это видѣлъ, чему ужаснулся; а тамъ же былъ генеральный госпиталь, гдѣ никто не смотрѣлъ кромѣ цырульничковъ, хотя и многіе приставлены были, но оня только наживались; остальные жъ отъ рекрутъ умершихъ деньги брали себѣ. Господину Фальбергу хотя и и сказывалъ, что нѣтъ ни малѣйшаго человеколюбія: но онъ мнѣ сказавъ „это сударь невозможно быть я самъ смотрю“ и просилъ меня обѣдать, но я радъ что вырвать изъ погибели своихъ рекрутъ, помаршаровалъ съ ними въ Херсонъ, гдѣ мы стояли въ казармахъ, куда привезъ; шефъ раздѣлилъ на 4 баталіона, изъ коихъ мнѣ досталось 320 человекъ, каждаго я раздѣлъ до пинты и осматрѣлъ ихъ, нетъ ли у нихъ какихъ на тѣлѣ заразы; нашелъ во большой части въ чирьяхъ и въ чесоткѣ, ибо одну рубашку носили по два мѣсяца, тотъ же день велѣлъ ихъ вести въ баню, а рубашки купалъ имъ старши у другихъ егарей; и какъ они обмылись, совсѣмъ другіе люди стали: во все оставалась въ нихъ внутри та гнилость, которая вкоренилась отъ худой пищи и несмотрѣнія, какъ были они на работѣ; и сколько моего старанія ни было, изъ нихъ болѣе 60 человекъ въ лазаретѣ померло поносамъ и горячкою, ибо воздухъ въ Херсонѣ отъѣнно тяжелый, всею вѣтры или жары; а въ другихъ баталіонахъ и половины не осталось. Къ лѣту баталіонъ 3-й я совсѣмъ устроилъ и людей неодинакче выучилъ прикладыватся цѣльно, заряжать пропорно и съ ружіемъ какъ обходится должно; сіи три правила были у меня основаніемъ солдатской должности; и шефу своему генералъ-майору Мекнобу лѣтомъ показавъ весь баталіонъ поодначкѣ; вотъ какимъ образомъ; нерювка была протявута по которой егеръ тащилъ бегомъ шить росту человекъ а шириною 1 1/2 ар. Противъ оной по всей дистанціи разставлены были чрезъ 20 шаговъ егарей по 6 человекъ, которые на бѣгу многіе попадали въ шить, а послѣ и маневры строилъ съ баталіономъ по егерски; шефъ былъ больше тѣмъ доволенъ что изъ всего баталіона только 17 ружей обѣжилось, а то не выстрѣлилъ безъ обѣчки; и осматрѣлъ каждаго и весь обозъ и упряжь; послѣ отдалъ въ благодарность приказъ по всему корпусу и прочимъ командирамъ рекомендовать, также устроить свои баталіоны: а еще ему больше приятно было то, что у меня меньше нежъ померло.

*) Вылъ крестура в. Потомина

Послѣ осмотра баталіоновъ пошли мы въ походъ къ Бендерамъ и тутъ простояли до самой осени, оттуда пошли къ крѣпости Килія, что на устьѣ рѣки Дуная; начальникъ у нашего корпуса былъ генералъ артиллеріи Иванъ Ивановичъ Миллеръ, которой отъ раны умеръ тамъ же какъ взяли 790 года октября 6 ретраншементъ килійской; на мѣсто его присланъ былъ командовать корпусомъ генералъ поручикъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, онъ обложилъ формально крѣпость, велѣлъ нашему шефу одинъ армянской монастырь отбить, шефъ послалъ съ баталіономъ меня, сіе я исполнилъ, выбивши турокъ подле котораго подъ мостъ же прикрытіемъ и брешь батарею заложилъ; тутъ былъ инженерной ген: майоръ Кпоринъ; а по отстреляніи 5 дней стѣну и башню разбили, отъ которой камни и кирпичи въ ровъ повалились, почему паша той крѣпости начальникъ и выслалъ 800 человекъ отборныхъ янычаровъ воиъ изъ крѣпости, и велѣлъ лечь противъ башни во ровъ, для прикрытія пролому, подлѣ своими пушками а чтобъ узнать какъ заваленъ ровъ, и можно ли перейти его? для сего во время ночи я былъ посланъ бригадиромъ дежурнымъ при блокадѣ находящимся Рахмановымъ, съ тремя егарами; не знаю откуда сіе повѣніе пришло; но долженъ повиноваться правиламъ службы; хотя и вѣрная смерть предстояла: ибо и тѣ янычары были во флангѣ бреши, до которой мнѣ мимо ихъ должно пропалывать, въ душе своей сказалъ „буди Господи! воля твоя вало мною“ передвинусь въ егерскую шинель съ 2-мя егарами, поползъ ко рову, прокрадываясь мимо печей разломанныхъ, кои остались отъ пожара: ибо форштатъ былъ весь выжженъ. Отползли мы отъ бреши батареи саженъ 10 егеръ мой увидѣлъ изъ рва выходить огонь, и мнѣ сказалъ, и такъ мы остановились что будетъ отъ сего огня! думая себѣ можетъ быть это ихъ дозоръ ходить по рову, но потомъ огонь ідіотъ всю къ намъ ближе, я велѣлъ егарямъ ружья опранти, и самъ вынулъ изъ ножонъ саблю, огонь поравнялся съ нами, то увидѣли мы, что это два турка съ фонаріомъ, мы ту жъ минуту ихъ обступили; я спросилъ куда вы идіотъ? толмачъ мнѣ отвѣчалъ, что это баряктаръ идіотъ съ письмомъ отъ паши къ вашему генералу; я ихъ и отвелъ къ дежурному бригадиру, Михайлѣ Степановичу Рахманову, которой обрадовался сказалъ „вѣрно это значить что паша хочетъ крѣпость сдать“. И подлинно такъ и вышло, на другой день мы Килію и заняли, господинъ генералъ Гудовичъ меня лично благодарилъ за щастливую встрѣчу и успѣхи противъ крѣпости, и подлинно было для меня щастье; могло бѣ быть чтобъ я подлѣ бреши и голову потерялъ; сказалъ что „будетъ меня рекомендовать за все до сего время дела и услуги отечеству“; и правда послалъ меня послѣ съ большою раяніемъ обо всемъ, къ князю Потемкину въ Бендеры но я тамъ живши даѣ недѣли, ничего не получалъ; не былъ достоинъ милости ни княжой ни Попова, и съ тѣмъ возвратился къ своему баталіону, а прежде послан-

ный господинъ Титовъ былъ награжденъ примѣръ маіорскимъ чиномъ: ибо онъ больше моего заслужилъ, сидѣвши въ палаткѣ за столомъ, только подписывая на приказахъ дежурный маіоръ.

Отъ Килина весь нашъ корпусъ пошелъ по повелѣнію князя къ крѣпости Намаила, подъ которымъ съ 24 ноября по 14-е число декабря пахотились, пока его взяли штурмомъ, какъ прѣхалъ къ намъ графъ Алъ Василевичъ Суворовъ командовать а Гудовичъ уѣхалъ въ Бендеры, гдѣ былъ князь Потемкинъ. Слышно было что генераль Гудовичъ отказался брать штурмомъ Намаиль, ибо въ крѣпости было одного гарнизона 35000 тысячъ турокъ и татаръ; что и можно вѣрить; оные собрались изъ 4-хъ главныхъ крѣпостей, изъ Хотина, изъ Бендеры, изъ Акермана, изъ Килина и свой пятый гарнизонъ; и потому они держались крѣпко, что почти все побиты и поколоны были; штурмъ продолжался 8 часовъ, и некоторыя колоны вошли было въ городъ опять выгнаты были, а изъ своего баталіона потерялъ 312 человекъ убитыхъ и раненыхъ, а штабъ и оберъ офицеры или ранены или убиты были и я раненъ былъ пулею на вылетъ въ самой амбразурѣ въ бровь и въ високъ вышла и кабы трубачъ меня не сдернулъ съ пушки, то бы на ней и голову отрубили турки; на рямпартъ я вошелъ первой только предо мною по лѣстницѣ 3 егара лѣзали которыхъ въ той же амбразурѣ турки изрубили; ровъ такъ былъ глубоокъ что 9 ар. лѣстница только могла достать до берму, а съ берма до амбразуръ; другую мы наставляли, тутъ много у насъ солдатъ погнбло, аи вѣзмъ насъ били, чѣмъ хотѣли. Какъ я очууделъ отъ раны, то увидѣлъ себя только съ двумя егарами и трубачомъ, протчіе все были или побиты или ранены на паралетѣ, потомъ сталъ кричать, чтобъ остальные офицеры сами лѣзали съ егарами изъ рва въ верхъ, придавалъ имъ смѣлости что турки оставили бастионъ; тогда ко мнѣ влѣзли по лѣстницамъ поручикъ Белокопытовъ и подпоручикъ Зауровъ съ егарами здоровыми, мы закричали ура и бросились во внутрь бастиона и обладали онымъ: но одинакожъ много егарей тутъ было изрублено и офицеръ одинъ убитъ а меня хотъ и перевязали платкомъ намочивъ слюнами землю къ ранѣ приложилъ трубачъ (ибо въ егарскихъ баталіонахъ тогда были трубачи, а барабановъ не было); но всю кровь текла изъ головы ослабѣлъ и пошелъ лигъ на банкете (а потомъ рана сія засохла съ слюнами и землею, и такъ вылѣчился; но глазочъ правымъ долго не могъ видѣть), а пушки вѣлѣлъ обратитъ и внутрь во городу стрѣлять, и штурмъ продолжался еще послѣ сего, то наши тожъ, то турки нашихъ рубятъ; болѣе 4 часовъ внутри города и безъ строя; окончилось тѣмъ что Богъ! намъ опредѣлили быть побѣдителями; насъ всего было 17 тысячъ регулярныхъ да казаконъ 5 тысячъ съ которыми шастливый и смѣлый графъ Суворовъ взялъ крѣпость Намаиль; послѣ бою графъ позволилъ нижнимъ чинамъ въ крѣпости брать всю

кто что нашьелъ три дни. Правду оказатъ в насъ не было уже почти хлѣба, а потому сдѣлались съ хлѣбомъ и разными припасами довольны; нижне чины достали и червонцевъ много, такъ что шапками иные къ маркитантамъ носили; забывъ я нависать еще до штурма что съ нашею колоною случилось; колоновожатой у насъ былъ майоръ Марченко присланъ былъ изъ свиты Павла Сергѣевича Потемкина, оной завелъ насъ совсѣмъ не туда, и самъ пропалъ: ибо шефъ нашъ которой командовалъ колоною г; майоръ Мекнобъ, пришелъ ко мнѣ какъ мы уже идѣмъ къ крепости говорить, что „я не знаю гдѣ съ колоною стою, кажется мнѣ по „тамъ гдѣ начинать должно штурмовать“ а ночь была къ шестю нашему очень темная, я ему отычаль что на то есть колоновожатый. Сей Марченко послѣ явился цѣль и былъ на бастионѣ, которой штурмовали; но его тогда сыскать не могли, итакъ мнѣ Мекнобъ сталъ говорить „я на тебя надѣюсь „какъ на себя, возьми егарей и поди до рва узнай, гдѣ мы теперь съ колоною „стоимъ“. Я думалъ что лучше просьбы его послушатся нежели дожидатся приказанія, пошелъ однакожъ сказавъ ему доверенность очень велика адѣланная мнѣ отъ насъ, но ежели пропаду то не въ своемъ мѣстѣ; онъ послѣ сказалъ, что „еслии крѣпость возьмемъ и останемся живы то вдвое и награжденъ будешь“. Перекрестясь и пошелъ я къ принцу Филиппштау, и отъ былъ послѣ раненъ которой былъ впереди съ стрѣлками у него взялъ трехъ егарей и пополозъ ко рву; егарей для того я взялъ, чтобъ по нимъ вваздъ, какъ пополозъ колону свою найтить; кралъ я ихъ на землю въ дистанци 20 шаговъ, и велѣлъ отыкаться свистомъ; итакъ дополу до рва, увидѣлъ что бѣлѣется бастионъ отъ кавалеру выкладеннаго бѣлымъ камнемъ, оной былъ отъ нихъ по лѣвую сторону нашего бастиона, на которой велено было итить, а отъ насъ по правую сторону; тутъ еще и собака на меня забрехала, видно привазана была во рвѣ для осторожности, но я припалъ и она замолкла, а шуму отъ турокъ никакого на кавалерѣ и бастионѣ не слыхалъ, все опали итакъ я приползши обратно къ своей колонѣ донесъ шефу что мы по противъ своего пункта *) гдѣ назначено спускаться въ ровъ штурмовать, то велѣлъ онъ мнѣ вести колону къ тому бастиону; я всю колону повернулъ налѣво тихо однакожъ всео штыки и лѣстницы которыя несли застучали, но любезные турки не проснулись до тѣхъ поръ какъ мы уже были на контръ-эскарпѣ и стали по лѣстницамъ спускаться переднѣя войска въ ровъ, тутъ они открыли свою канонаду и картечьми много побили у насъ на глаенѣ въ хвосту колоны; а мы были уже во рву, шефъ нашъ на глаенѣ былъ раненъ уже на разсвѣтѣ въ ногу и его понесли прочь, и послѣ того умеръ въ Килн отъ сей же раны; мы остались

*) Бастионъ на которой намъ должно было итать мы съ Г-мъ Мекнобомъ еще на день штурма вѣдали верхомъ осматривать и подыскали очень близко, такъ что по насъ изъ ружей падали

докачивать свою дѣло сами баталіонные командиры съ егарями изъ резерву Троицкаго пѣхотнаго полку помогъ намъ много капитанъ Нониковъ, которой у той же пушки гдѣ и я была раненъ убитъ наповалъ; жаль офицеръ былъ храбрый съ мужественнымъ духомъ; ибо одинъ онъ выпросился съ гранатерами въ періодъ у бригадира и полковника своего Хвостова; итакъ вся лишняя моя услуга отчеству пропала; ибо генералъ и шефъ Мехиновъ умеръ, а дали только мнѣ 4-го класса за храбрость егорьевской крестъ съ рескриптомъ, да другому майору Шеховскому которому руку турки отрубили, а прочимъ изъ майоровъ никому не дано егорьевскихъ крестовъ.

Естьли бы все написали въ рекомендаціи что еще до штурма много сдѣлать лишняго противъ своихъ товарищей, и можно связать спасъ всю колоцу и первой лѣвъ по лѣстницѣ на бастіонъ, да я же и майоромъ по арміи быть 1-й то можно бы к: Потемкину дать мнѣ и чинъ, какъ и всѣмъ давалъ при штурмѣ Очаковскомъ баталіоннымъ командирамъ. А только тѣмъ мы нешастливы что онъ тутъ самъ не былъ.

Послѣ штурму забравши раненыхъ конхъ могли взять, а иные остались въ Намалѣ для излѣченія, я пришелъ съ баталіономъ въ мѣстечко Оргѣя; штурмъ былъ Исаила декабря 11-го дня 1790-го года.

Изъ Оргѣи я былъ боленъ при смерти уже 22 дни не ѣлъ и не спалъ; и думаю что болѣзнъ пришла послѣдствіемъ голодной ранъ; исповѣдавшись и приобщившись святыхъ таинъ чрезъ несколько дней захотѣлось мнѣ арбуза, котораго я безъ лѣкаря нашъся, то есть выпилъ сокъ изъ онаго, сдѣлалась во мнѣ перемежа, изъ жестокой горячки и жару сдѣлалась во мнѣ лихорадка, продолженіемъ которой я избавился отъ смерти и вся гниль отъ грудей и опухоль въ ноги оттянула; такъ что у меня ноги сдѣлались какъ брюшны толсты, а тогда мы пошли въ походъ изъ Молдавіи въ Елизаветъ градъ, гдѣ мнѣ сдѣлалось думаю отъ дороги гораздо легче; но лихорадку и отъ себя не отгонялъ, она у меня была ровно 9-ть мѣсяцевъ, пока всю желчь и гниль изъ меня выгнала потами и въ ней я никогда не лежалъ, или верхомъ былъ или на дрожжахъ, только какъ жаръ придіотъ то ложился, а опухоль изъ ногъ пропала отъ слабительныхъ порошковъ, кои я всякой день принималъ; но ѣлъ сію что захотѣлось толко понемногу даже и кислое молоко.

Изъ города Елизавета весною мы пошли въ Польшу и расположились по Днѣстру всѣ 4 баталіона содержали кордонъ не пушали бѣглыхъ солдатъ и мужиковъ на ту сторону; сіе было лѣтомъ мнѣ досталось стоять въ самомъ дурномъ мѣстѣ, между каменными горами въ мѣстечкѣ Ушинѣ а потомъ какъ сдѣлалась конфидерація въ Польше и потомъ реконфидерація подъ предводительствомъ графа Потоцкаго Щеснаго, то меня съ баталіономъ командировали для прикрытія его особы, и всѣхъ членовъ; ибо графъ Потоцкой былъ намъ

преданъ и еще былъ полкъ конной, полковника Глазенапа; въ Дубнахъ мы и содержали карауль гдѣ и контракты польскихъ дворянъ были; отсюда пришелъ я зимовать въ мѣстечко Николаевъ князя Черторискаго, гдѣ случилась жестокая буря или лучше сказать вихрь, что всю конюшню повалило, и много лошадей у меня моихъ и баталіонныхъ передавило. Однакожь на покупку казенныхъ лошадей отпустили мнѣ по свидѣтельству деньги, кои я купилъ. Забылъ я написать какъ я зимовалъ въ мѣстечкѣ Мурованыхъ Куриловцахъ съ баталіономъ, было страшное землетрясеніе съ шумомъ и продолжалось 5 минутъ передъ войною съ поляками, землетрясеніе было 1793-го года поибри 27-го дня. Оттуда насъ два баталіона—2-й подъ командою приміеръ майора Шпармана и мой 3-й того жъ корпуса пошли къ Каменцу Подольскому, чтобъ его взять: ибо тамъ были конфедераты, а какъ туда въ городъ Каменецъ господинъ Золотницікій пріѣхалъ, то мы заняли крѣпость безъ урону, сей намъ и ключи вынесъ отъ крѣпости 793 года апрѣля 21 дня и отдалъ полковнику Зубову, которой командовалъ нами авангардомъ, онъ съ позволеніемъ господини Дерфельдена съ ключами и съ полною реляціею поѣхалъ къ Государынѣ. Дерфельденъ приказалъ и мнѣ ѣхать съ нимъ же, мы поскакали на почтовыхъ, пріѣхали къ генералу аншефу Кречетникову тогда главному надъ нами начальнику, которой отпривилъ насъ въ Петербургъ, куда мы съ Зубовымъ Николаемъ Александровичемъ пріѣхали мая 1-го дни 793 года рано. Всемилостивѣйшая Государыня очень была довольна, что безъ пролитія крови заняли крѣпость Каменецъ Подольскую: Зубова пожаловала въ генералъ майора а меня имяннымъ повелѣніемъ въ подполковники и старшинство отдала которое у меня пропало по драгунской службѣ, какъ былъ 5 лѣтъ на Кавказской линіи, и такъ я сталъ считаться въ подполковничьемъ чинѣ 788-го июля 14 дня.

Изъ Петербурга графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ позволилъ мнѣ ѣхать на двѣ недѣли въ Москву, тутъ я съ женою Настасією Ивацовой пожилъ одну недѣлю да къ матушкѣ Дарьѣ Трофимовнѣ въ Арзамасъ съѣздили; тамъ 4 дни жилъ; и проесясь съ ними обратно уѣхалъ служить съ своимъ баталіономъ, которой акмовалъ тогда въ мѣстечкѣ Николаевѣ.

На другой годъ сдѣлалась революція въ цѣлой Польшѣ и нашихъ много пропало въ Варшавѣ; то генералъ поручицъ Дерфельденъ и велѣлъ мнѣ съ баталіономъ скорѣя итти перенять бригаду польскую, которая хотя присягала на вѣрность намъ, но взбунтовавшись ушла на коняхъ, уже она сражалась на дорогѣ съ ретами Екатеринославскаго гранодерскаго полку, и потянулись поляки къ кордопу Царскому, я тотъ часъ сколько у меня было по близости ротъ: ибо тогда еще стояли по квартирамъ собрали до 100 человекъ егерей побежать съ ними, чтобъ ихъ перенять: но вѣхъ не захватилъ, а только до 30 человекъ поляковъ въ плѣнъ взялъ соевѣмъ съ лошадьми и аммуниціею.

которую они везли на подводахъ безъ малѣйшаго урону, и всю это представилъ къ графу Ивану Петровичу Салтыкову; ибо онъ уже былъ у насъ главный начальникъ и жилъ въ Лабунѣ. Въ этомъ маломъ походѣ я егарами очень былъ доволенъ, что они охотно въ двое сутки сдѣлали болѣе 100 верстъ переходу; правда, что многіе стѣрли ноги отъ того что болота переходили прямо. Здѣсь нѣкоторую диковинку вамъ скажу; проводникъ меня виолъ чрезъ плотину, пришли двѣ дороги, онъ меня повіолъ было налѣво, а гдѣ ни взялся селезень, то есть утка дикая, увидѣлъ я что она по дорогѣ побѣжала направо: я подумалъ что это Богъ! намъ далъ спутника или проводника; лутче нежели жидъ, которой можетъ и обмануть такъ и вышло, что естли бъ я не пошелъ по той дорогѣ что селезень показалъ то бъ ни одного конфедерата не видалъ; ибо поляки всю тамъ бѣжали и къ той сторонѣ, куда селезень намъ показалъ; у тѣхъ конфедератовъ я отбилъ и 12 человекъ гранодеръ, конхъ они ободрали Екатеринославскаго полку, какъ дрались съ Булгаковымъ полковникомъ; плѣнные объявили мнѣ, что у той бригады польской былъ командиръ майоръ Вишковской, коего чуть было я не захватилъ самого уже на Цесарской границѣ; послѣ мнѣ велѣно итить съ двумя баталіонами, 2-мъ и 3-мъ къ мѣстечку Дубенки, гдѣ съ Костюшкою ихъ предводителемъ была баталія и нашимъ полковникомъ Паленбахомъ, оной Паленбахъ тамъ и убитъ на батарее. Туда пріѣхалъ изъ Петербурга командовать авангардомъ генералъ-майоръ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, а весь корпусъ былъ подъ начальствомъ генералъ-поручика Дерфельдена. Отъ Дубенокъ зачали имѣть малыя сшибки съ поляками, и по большей части дрались только казаки и егари, подъ командою моею до самаго города Хелма, гдѣ они все собрались подъ начальствомъ трехъ генераловъ и намъ дали баталію; тогда я былъ посланъ съ двумя только ротами для занятія лѣсу, мимо котораго должно итить 1-ю и 2-ю линію; тутъ мнѣ и досталось всѣхъ горечее, ибо не знали мы что въ лѣсу были отъ нихъ поставлены пушки и скрыты за засѣкою; какъ я сталъ входить въ лѣсъ съ перелалкою ружейною, съ ихъ егарами жъ, то вдругъ они по мнѣ выстрѣлили картечами, убили одного офицера и 16-ть егарей и многихъ ранили; хорошо что я врасмыдную съ егарами шелъ; тогда Зубовъ услышалъ что у меня идіотъ порядочная свалка, прислалъ ко мнѣ и остальныхъ егарей моего баталіона; съ ними уже я зачалъ заходить во флангъ батареи, оную и ваить на штыкахъ, но они штыковъ не любятъ ушли; а пушки увезли на лошадяхъ по дорогѣ, однакожъ я много ваилъ въ плѣтъ раненыхъ солдатъ и косенеровъ, то есть которые только съ косами были противъ насъ изъ мужиковъ набранные; и такъ прошелъ уже лѣсъ съ малою перелалкою; кончили баталію; я получилъ благодарность за успѣхъ, что ливнѣ 1-ю и 2-ю избавилъ отъ картечи; а на себя всю это обратилъ: ибо они бъ изъ лѣсу стрѣляли

вдоль нашихъ линій по фронту, и за то послѣ Государыня пожаловала меня въ полковники 24 мая 28-го въ день Троицы святой баталія была; а военная коллегія помѣстила меня въ комплектъ указомъ въ Новгородской полкъ, который тогда находился въ корпусѣ генералъ поручика Феррина, противъ Костюхи; но генералъ Дерфельденъ меня туда не отпустилъ, а велѣлъ сію кампанію до окончанія прослужить съ егарскими двумя баталіонами 2-ю и 3-ю подъ командою его; и такъ я и остался въ томъ же корпусѣ командиромъ надъ двумя баталіонами, надѣвши на себя только полковничей камзолъ, а мундиръ былъ егарской. Послѣ сего шедши къ Прагѣ въ трехъ мѣстахъ еще съ поляками дрались; но большаго сраженія видѣть не было; въ послѣднемъ генералу Валъ Зубову и полковнику Рароку изъ пушекъ ноги ядрами отбили; Рарокъ въ 15 день послѣ того умеръ, а генералъ Зубовъ остался живъ, видно у сего кровь почище была. Къ штурму Праги я уже пошелъ съ своимъ однимъ баталіономъ 8-мъ, а 2-й остался съ своимъ командиромъ Шпарманомъ у прикрытія генерала Зубова; ибо у него нога была отстрѣлена ядромъ, а потомъ отплевана въ деревнѣ Поповкѣ, въ которой окъ раненой лежалъ. Къ Прагѣ всѣ корпусы собрались, куда прѣхалъ и графъ Суворовъ; взявъ всѣ корпусы въ свою команду: сперва обыкновенно по его манеру теоретически штормовать, въ лагерѣ пили и ѣли довольно, и пѣли пѣсни; а потомъ подошли близко къ Прагѣ Варшавской. Я тутъ попался уже въ команду генералъ майора Ласія, у коего въ колонѣ и на штурмѣ былъ. Наканунѣ штурма 23-го октября 794 года господинъ Дерфельденъ велѣлъ дѣлать брешь батареею, думаю для того чтобъ поляковъ увѣрить что еще мы не скоро пойдѣмъ брать ретраншементъ Прагской; но сія фось брешь батарея далась мнѣ знать, тутъ съ однимъ своимъ баталіономъ прикрывалъ оную какъ стрілять оную артилеріи капитанъ Бегичевъ, а я былъ впереди на чистомъ мѣстѣ, чтобъ вылазка не случилась, но вылазка я не боялся, а изъ 4-хъ батарей съ передняго фаса изъ укрѣпленія да по флангъ изъ за рѣки Вислы 3-ть батарей всѣ по мнѣ стрѣляли ядрами, ибо мы дѣлали брешь дніомъ: такъ жестоко что я принужденъ весь баталіонъ распыпать по луку и велѣлъ егарямъ лечь, а самъ одинъ остался на конѣ арабскомъ жеребцѣ, на которомъ и въ Хелмскомъ сраженіи былъ и на иротчихъ потычкахъ, не стоялъ ни секунды на одномъ мѣстѣ развѣжжалъ, чтобъ не сдѣлать цѣли, и притомъ подѣжжалъ ближе, желалъ осмотрѣть, гдѣ у нихъ есть ворота, и такъ сколько подьякамъ ни хотѣлось меня убить, но Богъ! сохранилъ меня, а я своихъ егарей такимъ порядкомъ спасъ съ кони въ головѣ колоны въ слѣдующую ночь и на штурмѣ былъ 24 октября 794 года, и съ ними свладѣлъ бастиономъ, на коемъ были большихъ 6 пушекъ; за мною и всѣ уже взошли, тутъ ровъ былъ неглубокъ почти все по штыкамъ залѣзли. то есть штыки въ валъ затыкали и на нихъ егари ногами становились; ибо

валъ былъ земляной; только много въ волчьихъ ямахъ нашихъ попадало, кои были на глазахъ вырыты; даже до самаго мосту поляковъ колоды, а какъ они въ улицахъ въ дома сжались, то тутъ и егарямъ досталось потерять жизнь; во всю штурму Праги убито и ранено было у меня не болѣе 46 человекъ; хвосту колонны больше досталось потерять отъ картечь, ибо они спали какъ я привіюлъ колону къ самому гласису; я жъ и колоновожатый былъ; съ рампару часовой спрашиваетъ по польски „кто идасъ?“ а я отвѣчаю „свои мой коханый“ также по польски, и тотъ часъ закричалъ на штыки и лѣзть велѣлъ на валъ и бастионъ; спасибо егари боялись меня и любили, этимъ могу похвалиться; и такъ я послѣднее сраженіе съ ними имѣлъ, а послѣ штурма Праги господинъ Дерфельденъ велѣлъ мнѣ по повелѣнію графа Суворова собрать всё отбитыя у неприятеля пушки, коихъ я нашелъ 110 разнаго калибра, и почти всё новыя; съ ними отравили меня въ городъ Кіевъ, и еще для прикрытія прислали конный полкъ бригаиера Субарова Острогской.

Егарской баталіонъ сдать я егаршему по себѣ на дорогѣ секундъ-маіору Молликову во всемъ сполна, въ чемъ взялъ и квитанцію и къ командѣ отпрапортовалъ, а самъ вступилъ въ командованіе надъ баталіономъ 1-мъ Новгородскаго пѣхотнаго полку и съ симъ баталіономъ явились къ бригадиру Субарову и прикрывалъ 110 пушекъ и 1800 человекъ пѣхотныхъ занятыхъ въ разныя времена, однако съ дороги графъ Суворовъ изъ нихъ лучшихъ по прозвѣсь польскаго короля отпустилъ 500 человекъ въ томъ числѣ 1 генераль-маіоръ Мейль, котораго я взялъ во время штурма въ плѣнъ, и довольно штабъ и оберъ офицеровъ. Въ дорогѣ много претерпѣли нужды отъ холоду, особливо бѣдные пѣхотные недостаточны были одеждою. Пришедши къ Бердичеву явился у генераль-маіора Хруцова Алексея Ивановича, которой обо всемъ отпрапортовалъ графу фельдмаршалу Румянцову-Задунайскому приказалъ мнѣ занять квартиры около мѣстечка Бердичева въ гѣхъ же деревняхъ гдѣ уже 2-я баталіонъ моего полка квартируетъ, и пѣхотныхъ разставить по квартирамъ за присмотромъ; а пушки съ прикрытіемъ графъ Румянцовъ велѣлъ отвезти въ городъ Кіевъ и тамъ отдать въ арсеналь, что было и исполнено; тутъ я получилъ за штурмъ Праги съ рескриптомъ отъ Государыни 3-я степени владимирской крестъ, а за прикрытіе брешь батареи дѣлаиной у Праги ничего не дали; артиллерій жъ капитану Богичеву за ту батарею данъ 3-й же степени владимирской крестъ; я тогда вспомнилъ пословицу польскую „интрига идас до горы а засѣдка упада“. Признавъ хотѣлось мнѣ за то прикрытіе получить хоть шлагу.

Какъ на штурмъ я шелъ то много волонтеровъ изъ свиты Зубова было, а какъ на бастионъ съ егарями полѣзъ, то только одинъ маіоръ Шпренипортъ былъ, котораго отецъ теперь во Франціи; а по взятіи уже все съ подравле-

нием ко мнѣ явились; и целюханки; однакожъ все получили кресты; думаю что имъ прежде даны были въ карманы, какъ поѣхали изъ Петербурга. Всѣ офицеры и егари мои послѣ служили противъ французовъ, въ Италіи и въ протчихъ мѣстахъ подъ командою князя генералъ-маіора Баграціона, съ помощію которыхъ отъ государя императора Павла Петровича все отличные и атаки получили, ибо знали они, гдѣ и какъ открыть мѣста и напасть на неприятеля. Белокопытовъ что у меня въ баталіонѣ поручикомъ и капитаномъ былъ, охъ и полкъ отъ Баграціона припалъ, будучи уже полковникомъ а Спесивцовъ поручикъ тамъ же дошелъ до полковничья чина; потомъ и протчіе заслужили милость императора; мнѣ только Богъ не опредѣлилъ тамъ служить, а къ тому жъ и то больно, что обѣщаніе мое не удалось выполнить: 18 сраженій только до числа 100 не докончилъ, то есть отъ 1768 года по 1789-й годъ, гдѣ только нѣсколько пудъ мимо ушей пролетѣло; всѣхъ баталіи сраженій и стычекъ въ три войны и на Кавкаской линіи 82 раза.

Послѣ какъ оставшихъ польскихъ плѣнныхъ распредѣлили по разнымъ полкамъ въ солдаты, а штабъ и оберъ офицеровъ распустили по домамъ, у меня остались охотно служить вѣчно мнѣ два поляка, одинъ назывался Коаловской уроженецъ изъ Литвы, а другой изъ Жмута имя его Федоръ, онъ же былъ и портной женской; однакожъ они мною были взяты съ позволенія генералъ-маіора Хрушова, которой распредѣлилъ ихъ въ полки и отпустилъ домой; послѣ Коаловской отъ меня въ Гроднѣ уволенъ вовсе домой, а Федоръ на мѣсто моего дельщика Николая опредѣсень служить по его волѣ въ 1-ю роту, въ Новгородскомъ полку, чему и самъ доволенъ былъ.

Во время польской войны получилъ я двѣ вѣдомости отъ жены. первая печальная мать моя скончалась, а 2-я радостная жена родила дочь Софью, то мнѣ и очень захотѣлось видѣть ея; а какъ полкъ мой зачалъ только что собираться въ зимнее время будучи въ квартирахъ, то я оставивши на всю подполковнику и маіору образцы, какъ шить мундиры и протчее, самъ поѣхалъ съ позволенія къ графу Руминцову Задунайскому, которой меня отпустилъ въ Москву на 29 дней. Туда пріѣхавши очень былъ радъ, увидѣвши жену и съ дочерью здоровую, хотя и не люблю въ томъ виду похваивать, но не меньше чувствовалъ. Изъ Москвы поѣхалъ на гробъ матери въ Арамась, а къ отцу на гробъ въ село Апушку Шацкаго уѣзда; послѣдней долъ отъ сына отъ дать, и панихиду тамъ отслужилъ, возвратился назадъ въ Москву, отпуска срокъ пришелъ, поѣхалъ въ полкъ и остальные мѣсяцы зимы и весны въ полку все части отъ революціи разстроеныя исправилъ; обозъ, упряжь, людей одѣлъ, лагерь новый въ Москвѣ купилъ, офицеровъ нарядилъ, какъ быть должно; ружьи исправилъ починкою, а нѣкоторыя новыми перемѣнилъ, солдатъ училъ поодиначѣ, а тѣмъ всѣми маневрами и тому жъ господину

генераль маіору Хрушову полкъ во всей формѣ показавъ, какъ должно быть ему; за что и благодарность получилъ съ большимъ удивленіемъ его, что въ короткое время полкъ весь исправился, а потомъ какъ Бреславская губернія открывалась, велѣли мнѣ маршировать въ городъ Винницу, въ команду генераль маіора Берхмана Федора Федоровича, онъ же былъ и губернаторъ послѣ открытія губерніи. Зимовать я уже остался въ мѣстечкѣ Браиловѣ графа Потockаго и на весну состоялъ въ непосредственной командѣ фельдмаршала графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго, у котораго моего полку на караулъ были люди 4 раза. А какъ дѣло настало, то послали меня съ полкомъ рыть Овидіопольскую крѣпость близъ Чернаго моря противъ Инкермана и 35 верстъ отъ Одессы. Хотя и горько было, однакожь повелѣніе надо было исполнить, можетъ быть за то меня Тищенко и Маидрыкинъ находящіеся при немъ и услали, что я имъ мало кланялся, и графа Суворова разговоры съ солдатами по его манеру не хотѣлъ какъ сорока наизусть выучить; судить, что уже въ полковничьемъ чинѣ не могли быть переговорщикомъ словъ чужихъ; а можно содержаніе полезныхъ правилъ растолковать и самому; однакожь послѣ я былъ доволенъ, въ генеральномъ лагерѣ у графа всѣ полки дѣлали крѣпость для ученія ихъ и какъ брать ея, было показано ученіемъ операционнымъ отъ графа Суворова, а за работу ничего не получили; а я съ полкомъ сдѣлалъ настоящую крѣпость, и мои солдаты каждый день брали деньги, а всего получили болѣе трехъ тысячъ рублей; съ ними и я отъ скуки просиживалъ на работѣ, и офицерамъ дежурнымъ рассказывалъ всѣ крѣпостныя части, гдѣ и какъ они по правилу фортификаціи называются, дабы они и сами чрезъ то о укрѣпленіяхъ крѣпостныхъ познаніе приобрѣли для пользы службы.

Ко мнѣ туда и къ прочимъ полкамъ и графъ Суворовъ пріѣхалъ и смотрѣлъ полки въ стройности, движеніяхъ и стрѣльбѣ, по большей части училъ такими маневрами, которыя ближе подходятъ, какъ точно сражаемся съ неприятелями. Послѣ окончанія смотровъ данъ мнѣ былъ по именному ея величества повелѣнію другой полкъ Лядожской бригадира Шинкова, и велѣно изъ двухъ одинъ составить, думать надо по представленію графа Суворова Рымникскаго. И такъ уже одна рота состояла изъ 212 человекъ рядовыхъ, слышно было и тогда, что мы готовились итти съ графомъ Суворовымъ противъ революціонныхъ французовъ.

И принявъ съ симъ большимъ полкомъ зимовать 795-го года въ мѣстечкѣ польское Монастырище, пана Яблоновскаго, въ которомъ какъ по кончинѣ императрицы наследникъ россійскаго престола государь императоръ Павелъ Петровичъ принялъ правленіе государства, я съ полкомъ своимъ Новогородскимъ и присягу учинилъ; а къ началу весны и шефъ пріѣхалъ, генераль

майоръ графъ Шенбекъ и вступилъ въ командованіе оного, чрезъ недѣлю пошелъ въ походъ, въ городъ Эденскъ, гдѣ уже и полкъ отъ меня принялъ, только странный человѣкъ этотъ Шенбекъ не хотѣлъ ничего стараго заведенія по полковничьей инструкціи ни знать ни слышать ниже книгъ съ документами имѣть, а говорилъ „это что а теперь вижу на людяхъ аммуницію какъ мушкетирную такъ и оружейную это я у васъ на время *получилъ* (значить *замаялъ* слово польское) „ибо всю противъ уставу не годится“. Онъ былъ въ польской конной службѣ и ничего не зналъ пѣшого строя, а думаю и коннаго тоже; и командовавши 7 мѣсяцевъ, весь полкъ разстроилъ, даже офицеры зачати дрались противъ его квартиры; а мнѣ велѣлъ жить при своей ротѣ въ деревнѣ; а именпо капитаны Ширяя и Зеглеръ подралися, и какъ прѣхалъ къ намъ инспекторъ Беклешовъ Александръ Андреевичъ, не могъ надвинуть его безпорядкамъ и до него ничего у меня не принималъ, кромѣ числа всѣхъ чиновъ. Уже господинъ Беклешовъ ему растолковалъ, что надо во всю вентить и принять всю противъ стараго штата отъ полковника, однакожь и тутъ послѣ его только одинъ обозъ принялъ да упряжь и всѣ вещи какъ на людяхъ такъ и въ цехавахъ, а лошадей полковыхъ онъ уже принялъ отъ обывателей; ибо они отъ меня маршалку ихъ сдали были при судьяхъ того города; въ суммахъ же денежной работѣ я имѣлъ въ квартирмейстерской съ квартирмейстеромъ, а въ комиссарской или жалованной съ комиссаромъ въ офицерской со всѣми офицерами, въ церковной съ попомъ, и по работѣ и удовольствіи я отъ нихъ получилъ въ каждой суммѣ особая квитанціи; а господинъ шефъ мнѣ далъ только отъ себя квитанцію въ пріемѣ людей вещей обоза и упряжи а книгъ старыхъ и не хотѣлъ брать, и потому они для отчету хранились у меня до города Гродненска въ сундукѣ; а отъ туда по шестѣ посланы по почтѣ, для того дабы генераль Шенбекъ на меня не напуталъ лишняго.

Сей генераль удивительно щастливъ въ милости государя императора. Какъ война противъ французовъ открылась и полку его досталось итти въ походъ, а онъ въ отставку пошелъ и получилъ мундиръ и пенсію, а какъ полки послѣ войны назадъ пришли, оной генераль Шенбекъ опять въ службу принялъ генераль лейтенантомъ и данъ ему полкъ; видно подъ щастливою планетою родился.

Оставимъ писать о другихъ надо докончить о себѣ: досталось и мнѣ быть по линіи генераломъ майоромъ въ 1797 году и данъ мнѣ полкъ Муромской пѣхотной же, которой стоялъ тогда въ Гроднѣ на рѣкѣ Немени, что раздѣляетъ границы нашу съ Прусскою, куда а по учиненіи въ церкви присяги на чинъ генераль майорскій и отправился, обозу жъ своему велѣлъ слѣдовать потише, а самъ поскакалъ налегкѣ на почтовыхъ. Въ полкъ я прѣхалъ 794 года января 2 дня и на другой день рапорты послалъ къ государю и въ

воениую коллегію, и къ инспектору князю Николаю Васильевичу Рѣпинну; а полкъ нашель въ жалостномъ состояніи, полковой командиръ майоръ Вріере Демортере боленъ, другой слабъ здоровьемъ, у третьяго лѣнь, кордусъ офицеронъ и хорошъ да очень по своей волѣ живутъ безъ дисциплины и почти всѣ роты по деревнямъ разбиты невыучены, ружья переломаны, всіо объ землю дабы темпъ былъ величавъ, обозъ ветхой, упряжь старая гнилая, въ ящикахъ патроны не передѣланы, а ниня и въ дуло не лѣзали, у солдатъ и запасныхъ кремней не было, 4-я часть только одѣта была по новому, и всіо такое что было замазано, а не прочно сдѣлано: у меня и о сѣю пору есть та вѣдомость, которая подана мнѣ отъ подполковника того жъ полку Павлова, послѣ его осмотра всѣхъ ротъ въ какомъ состояніи я полкъ Муромской нашель а государь Павелъ Петровичъ какъ въ Гроднѣ изволилъ быть, разводы давали хорошіе и всіо прикрыли добрыми словами за что шефу бывшему до меня въ полку генераль майору Мерлину по протекціи князя Рѣпинна и лента анненская 1-й степени дана, да при отставкѣ мундиръ получилъ: а я бѣдной человѣкъ чрезъ восемь мѣсяцевъ не видалъ ни часу покойнаго дніемъ, для сооружения онаго во всіомъ противъ штату, собралъ всѣхъ въ Гродно для обученія къ пользѣ службы по уставу сперва каждого прикладыватца илѣбно стрелять поодиначкѣ съ порохомъ и съ пулями, а потомъ дивизионами въ цитъ стрелять училъ и ружья исправилъ, такъ что рѣдкое осѣкалось; кремни купилъ изъ за границы чрезъ жидовъ; словомъ во всіомъ исправилъ и у пушекъ колеса починилъ; а репортовано что артилерія исправна по отъ того и ставъ неважнень генералю викарному инспектору *) генераль майору Сакену 1-му, а какъ сдѣлалась у меня исторія съ моимъ адъютантомъ Даниловымъ, которой меня оклеветалъ въ своемъ отиѣтѣ, въ то время какъ его судили, то онъ господинъ инспекторъ и былъ сему радъ что нашель оказію меня передъ императоромъ замарать и оклеветать безъ совестию почему государь повѣря ему какъ доброму и вѣрнопопданному и какъ инспектору изъ полку выключилъ.

Вотъ какъ безвинно можно пропасть человѣку заочно служившему, и какъ можно опять виноватыхъ спасти, причеръ адесь объясню свежей памяти, господинъ генераль адъютантъ Аракчеевъ былъ присланъ инспекторомъ осмотреть полки всѣ, кои придуть изъ Врестъ и вступать изъ команду генерала барона Розенберха; Аракчеевъ почти всѣ полки нашель несооруженные во всемъ по новому штату, изъ нихъ чрезъ Гродню гдѣ и квартировалъ, шли два полка Тыртова и Ферштера; оба были неисправны, какъ въ одеждѣ людей такъ и

---

*) Ибо тогда князь Николай Васильевичъ посланъ былъ отъ государя къ прусскому королю по некоторымъ деламъ тайнымъ въ кабинетахъ.

въ обозѣ и прочемъ я самъ то видѣлъ, да и о прочихъ спрашивалъ у адъютанта Аракчеева, которой чрезъ Гродню ѣхалъ въ Петербургъ отыскалъ мнѣ „всѣ таковы пришли въ Вреть“ а господинъ Аракчеевъ репортовалъ къ государю „что всѣхъ въ точной исправности намелъ“; императоръ по его словамъ и благоволеніе всемъ шефамъ техъ полковъ при паролѣ объявилъ.

По выключкѣ моей изъ полку отъ государя присланъ у меня полкъ принять и осмотреть генералъ отъ инфантеріи Ласіа онъ же былъ инспекторомъ той дивизіи, а какъ полка моего всѣ денежныя суммы и всѣ части равно лошади упряжь и обозъ были на рукахъ полковаго командира и во всемъ по новому штату исправны: то и нетрудно было мнѣ сдать его скоро. Генералъ Ласіа поутру осмотрѣлъ всѣхъ людей съ ихъ оружіемъ и мундирною аммунициею со всѣмъ ихъ бутаромъ, что положено имѣть спрашивалъ поротно все ли получили, что имъ слѣдуетъ? а послѣ обѣда обозъ и упряжь лошадей, и прочія вещи; ничего не намелъ недостаточнымъ или недопущеннаго въ роты не намелъ. На другой день оба мы престою разъѣхались; я поѣхалъ въ Москву, заплакавши горькими слезами, что труды мои были сдѣланы для другаго шефа, и что такъ безсовѣстно обнесетъ государю, а Ласіа поѣхалъ по другимъ полкамъ своей инспекціи.

Пріѣхавши я въ Москву, лошадей и прочія излишнія вещи распродалъ почти за безцѣнокъ, чтобъ купить скорѣя домъ, ибо гдѣ жена моя жила тамъ было очень тѣсно; по еіо выбору и совѣту я домъ купилъ на Малой Дмитровкѣ въ приходѣ святаго Пимена чудотворца; и тутъ не къ добру вышло; жена моя поживши ласково до тѣхъ поръ, пока у меня велись денжки; а какъ ихъ не стало: то моихъ людей кормить и одѣвать и содержать домъ отказалась; а имѣла за собой 200 душъ данныхъ ей во время моей службы; за какія жъ отличныя дѣла о томъ Богъ знаетъ. Вотъ и любовь простыла и домъ сталъ противенъ, наконецъ уѣхала изъ него, нанявши себѣ другой, увела дочь и всю свое имѣніе, хотя бы тѣми вещами подѣлялась, что на новоселье знакомые прислали; но ей тогда и въ голову не пришло; вотъ каково быть безъ протекціи и небогатуому человѣку; законъ и клятвы сдѣланныя предъ престоломъ Божиимъ капризные дамы ставятъ ни во что, особливо случайныя при дворѣ. И такъ я остался одинъ безъ службы еіо величества, безъ жены и безъ дохода, и потомъ и безъ дому, и послѣднее имѣніе отнял, निकлеветавши на меня долгу отъ бывшаго полку (сіе услышалъ я уже въ Бронницѣ) а наконецъ велѣно мнѣ выѣхать изъ Москвы вонъ, только что глаза не выкололи, какъ съ Биллаеромъ случилось ибо выключившимъ не велѣно жить въ стодичныхъ городахъ; принужденъ былъ ѣхать забравши свой походной экипажъ; благодарнымъ навсегда буду Степану Александровичу Талыгану онъ позволялъ мнѣ на нѣкоторое время пожить въ своей деревнѣ Денежни-

кою отъ Москвы разстояніемъ въ 45 верстахъ; своего жъ имѣнія у меня нигдѣ нѣтъ; а потому переѣхалъ въ городъ Бронницу, тамъ нанялъ себѣ комнату за 10 р. у протопопа, гдѣ и жилъ до самаго лѣта, обѣдавши всегда у добрыхъ людей у подполковника Эссена и у протчихъ живущихъ тамъ. Въ сей перемѣнѣ жизни моей можно сказать совершенно горестной, но для блаженства души, чтобъ достойной быть милосердія Божія, и его покровительства, и чтобъ чрезъ терпѣніе отъ разныхъ бѣдъ восчувствовалъ я больше любовь и вѣру къ своему Создателю всемогущему живому Богу! Сія перемѣна сдѣлала мнѣ великую пользу, какъ приготовляете къ вѣчной жизни, такъ и продолжать въ настоящей; къ подкрѣпленію духа моего, зачалъ я вопервыхъ читать божественныя книги, законы отъ Бога, данныя избраннымъ его, то есть ветхой и новой благодати Сына Божія Иноуа Христа. Еще книга къ объясненію и утвержденію вѣры христіанской отъ Іоанна Златоуста Маргариту, отъ Дениса Ареопагита отъ Стефана Яворскаго Рязанскаго митрополита *Камель вѣры* при имп. Петрѣ Первомъ изданную, и старую книгу *Скрижали Господни*, изданную къ объясненію службы въ храмахъ Божіихъ, и о протчихъ правилахъ, писанныхъ отъ митрополита Александрійскаго къ Антиохійскому, и еще другія что могъ купить и достать, а потомъ прочёлъ Библию ужъ на французскомъ языкѣ, и нынѣ на ономъ языкѣ писанныя, благодарю Бога! что ими наградило Его жъ неисповѣдимымъ промысломъ; отъ генерала Валеріана Александровича Зубова до шестисотъ книгъ мнѣ далъ, тогда какъ я былъ у него въ командѣ. Прочиталъ я на французскомъ языкѣ жизни всѣхъ славныхъ людей и предводителей арій во время войны римлянъ съ каравгенцами при Аннибалѣ и протчихъ жизнь, несчастнаго Вализарія; жизни и поступки Карла 5-го Испанскаго, короля Людвига 14-го французскаго, принца Евгенія и Мальбруга, историческіе атласы съ ихъ примѣчаніями, во всемъ свѣтѣ разныя войны по земному шару и морямъ, переписки французскаго короля 14 съ генералами и всю географическую таблицу на Библию и хронологію съ истолкованіемъ; а душе всего радъ былъ, что нашель откуда Мелхиседекъ первосвященникъ Божій и почему остался безроденъ какъ объясняетъ въ богословіи книги давной отъ митрополита нашего Платона императору Павлу Петровичу во время бытности учителемъ, для объясненія вѣры; еще на русскомъ читавъ всю жизнь и славныя дѣянія для пользы Россіи отца отечества великаго императора Петра 1-го и его анекдоты, также и поступки и шведскаго короля Карла 12-го съ которымъ страшная война была.

Разныя книги, писанныя о заблужденіи раскольникова въ разныя сектамы для объясненія отъ митрополита Ростовскаго Дмитрія *Ромскы* и его въ трехъ томахъ проповѣди отъ архіерея Никифора изъ грековъ; и изъ каждой книги какъ рукою такъ и французской воѣ замѣчаній моей руки по листамъ

во время чтенія сдѣланныя карандашомъ выписывалъ въ особливныя тетради; выбирая изъ оныхъ замѣчанія самыя полезныя для наставленія ближняго и поправленія себя въ настоящей жизни и къ будущей по чувствамъ своимъ разнымъ недостаткамъ; ибо человѣку нехудо знать разныхъ умовъ и разсудковъ добро и зло; но не всему послѣдовать надлежитъ, а избирать наилучшее и полезнѣйшее согласуясь съ обычаемъ земли гдѣ живіотъ и временемъ.

Но чтобъ не потерять глазъ отъ безпрестаннаго чтенія и для здоровья иногда я прогуливался по полю и по берегу рѣки Москвы ибо сія рѣка недалеко, свое теченіе имѣетъ отъ Бронницы; и нерѣдко уже лѣтомъ въ ней купался; потомъ еще поѣхалъ на гробъ отца моего въ село Апушку, гдѣ прежде во время службы былъ захвавши сперва къ теткѣ моей Елизаветѣ Петровнѣ Мосоловой, живущей въ своей деревнѣ той же Тамбовской губерніи.

На гробъ отца моего отпѣли соборомъ панихиду; ибо тамъ церковь престола во имя образа Казанской Богоматери, имѣетъ при себѣ для служенія литургіи 8 поля по очереди, гдѣ и слушать обѣдню, а потомъ опять возвратился въ деревню къ теткѣ, она просила у себя пожить, а чтобъ не такъ скучно мнѣ было тамъ подарила мнѣ двухъ ястребовъ для ловленія перепелокъ: ибо въ той странѣ ихъ очень много. И такъ во время житія моего у ней, я сими ястребами затравилъ въ поляхъ слишкомъ 100 перепелокъ. И какъ императоръ Павелъ 1-й насъ простилъ и позволилъ всемъ исключеннымъ пріѣхать въ Петербургъ желающимъ вступить попрежнему въ службу; то я оттуда на другой день собравшись пустился въ путь: но пріѣхавши къ заставѣ Москвы къ удивленію моему спрося кто я таковъ, поведали меня подъ карауломъ къ коменданту которой велѣлъ мнѣ явиться въ 8-мъ часовъ у графа Ивана Петровича Салтыкова, бывшаго тогда въ Москвѣ военнымъ губернаторомъ, что я и исполнить; а графъ уже далъ мнѣ подорожную до Петербурга.

А тѣ перепіолки что наловилъ я ястребомъ раздѣлилъ пополамъ 50 штукъ своей дочери а другія 50 штукъ благодѣтелю своему Степану Степановичу Апраксину.

Съ дочерью въ слезахъ простился Анастасья Ивановна не выдалъ; ибо съ генераломъ мертвымъ или лучше сказать мужемъ бѣднымъ и несчастнымъ нету чести повидатся и не показалась мнѣ; поспѣвалъ въ Петербургъ, тамъ у воротъ спросили меня „зачѣмъ пріѣхалъ?“ Отвѣчалъ я караульному офицеру для опредѣленія въ службу, выполняя надъ нами милостивой указъ; офицеръ объявилъ мнѣ тотъ часъ ехать ко дворцу и во дворцѣ явиться у коменданта Ефимова; точно такъ я и сдѣлалъ: насъ таковыхъ въ тотъ день случилось 5 человѣкъ, съ запискою объ насъ пошелъ комендантъ къ гоударю и вышедши велѣлъ намъ явиться завтра въ 8-мъ часу поутру въ ординарсъ гавѣ; туда мы точно и собрались, плацъ адъютантъ мнѣ первому объявилъ что при-

вать въ службу отъ воли государя! мнѣ не постѣдовало, а жить въ Петербургѣ для нуждъ своихъ не имѣлось, протѣхъ же сталъ записывать, когда я за что выключенъ, или отпущенъ; признаюсь прискорбно душѣ моей было что я не сдѣлался участникомъ милости его императорскаго величества! Жить въ Петербургѣ еще двѣ недѣли, совсѣмъ по знакомымъ спрашивалъ что мнѣ дѣлать? и былъ у графа Петра Алексѣевича Палена бывшаго в то время въ Петербургѣ военнымъ губернаторомъ въ слезахъ объяснилъ всю мое положение, что я не имѣю пропитанія, и печаль что не удостоился войти въ службу, или объ отставкѣ, какъ де и прочіе получили послѣ отказа. Я то я исполнилъ, самъ письмо отвелъ на почтовой дворъ и росписался въ книгѣ, содержание пisma было короткое; самъ генералъ Кутузовъ Голевищевъ оно поправилъ; но со мной вышло еще хуже послѣ подаанія письма черезъ три дни подхватилъ меня молодой полицій-майстеръ князь Касаткинъ и привезъ на гаубвахту, арестовалъ меня, сказалъ „что есть на то повелѣніе отъ государя“ и не сказавъ за что оставилъ меня въ караульнѣ; послѣ сего комендантъ Ефимовъ прислалъ у меня спросить „за что я арестованъ“ отвечать не знаю; и такъ пробылъ я подъ арестомъ двѣ недѣли, и теперь не знаю за какую вину; а можетъ быть и государь самъ того не вѣдалъ. По прошествіи срока, ибо комендантъ Ефимовъ привелъ въ караульню мнѣ объявилъ повелѣніе государя, что я арестованъ только на двѣ недѣли; и по истинно послѣ сего срока былъ же мнѣ и шпагу принесть и выпустить; и какъ отдали мнѣ шпагу тотчасъ пошелъ я къ Палену по оберъ-полицій-мастеръ Апльчевъ и не допустить насъ выдѣлать графа Палена, хотя къ нему и много приходили, дали мнѣ подорожную до Москвы и вѣдѣли тотъ же часъ выхлѣзть за шланбонъ и такъ я 1801 года геняря 9 дня и приѣхалъ въ Москву явился въ томъ же несчастномъ положеніи къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, которой мнѣ далъ подорожную до заштатнаго города Бронницы гдѣ остался мой походный экипажъ и два человека.

Забылъ я написать кто были мнѣ товарищи арестованные въ той же кордегаріи являвшіи, а именно генералъ лейтенантъ Стояновъ въ тотъ же день взяты были подъ арестъ, полковникъ Милорадовичъ, штабсъ капитанъ Шилловскій и хорунжій казачій, забылъ какъ зовутъ, они уже давно тамъ сидятъ, никто ихъ и не судитъ и не спрашиваетъ, хотя отъ государя и приказано ихъ слѣдовать скоро ихъ вини. Но обыкновенно въ несчастномъ положеніи люди забываютъ другихъ, кои страдаютъ отъ разныхъ несчастныхъ приключеній, а мнѣ кажется весьма рано или поздно надлежитъ приложить самому къ себѣ: то вѣрно скорѣй и справедливо посудишь и решишь. На государя никому жаловаться нетъ резону, а несправедливости или неудовольствія другимъ вы-

ходить отъ господъ другихъ окружающихъ его и: шастлявъ тотъ царь или король! у косяго приближенныя министры и прочіе должностныя люди при немъ находящіеся добродѣтельныя люди и безъ корытныя; у тѣхъ вѣрно подданныя въ благоденствіи и любилн живуть.

А у насъ умѣють только нажити а о справедливости къ пользѣ отечеству и славы его императорскаго величества мало кто имѣеть смѣлость изъяснить; рѣдкаго достоинства былъ сенаторъ во время жизни Петра Перваго князь Долгорукій Иковъ Федоровичъ, который имѣлъ истинную къ Богу вѣру и привязанность къ отечеству говаривалъ съ императоромъ о правдѣ съ твердымъ духомъ, что было ему и отечеству полезно не бояся даже смерти объ номъ вся Россія съ почтеніемъ воспоминаеть.

Въ 1801-мъ же году живши я въ Бронницахъ услышалъ отъ протокона Ильи Константинова гдѣ квартирмейстеръ, 16-го числа марта мѣсяца, что государь Павелъ Петровичъ скончался въ 11-й день марта, тутъ я удивился промыслу Божию и сиу что я видѣлъ того же числа записанъ оной въ календарѣ, которая была слѣдующаго содержания будто налили наъ пушки очень большой что оной выстрѣлъ ольмень былъ по всей Имперіи, и я воемъ слышалъ ту стрѣльбу и проспулся. По исполненіи на другой день присяги новому государю императору Александръ Павловичу писалъ я письмо къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, чтобъ мнѣ позволить въ разсужденіи такоюй перемѣны ехать еще въ Петербургъ и искать справедливости, которой мнѣ и отвѣчать письмомъ же, что уже вѣхъ отставныхъ и исключенныхъ государь императоръ Александръ Павловичъ велѣлъ указомъ мнѣннымъ считать отставными, и потому могу я прѣхать въ Москву и взять свои мѣры, почему я на другой день отправился въ Москву и отъ туда до совѣту его сіятельства поехалъ въ Петербургъ гдѣ представившись къ императору объявилъ свое желаніе письменно чрезъ генерала Намба вице президента военной коллегіи, которое было слѣдующаго содержания: „Послѣ 33 лѣтъ въ полѣ службы почти въ безпрестанной войнѣ сверхъ баталіи, и былъ на трехъ штурмахъ, гдѣ и раненъ, имѣю отъ роду 51 годъ, еще охотно служить его императорскому величеству желаю, только с тѣмъ чтобъ отъ дать мнѣ старшинство“ Уже и не думалъ о жалованье хотя тогда дѣвмъ принятымъ въ службу никому не давали, но честолюбіе и слава къ отечеству принуждали меня еще служить, а промыслъ Божій и воли Государя сдѣлали меня спокойнымъ въ отетанкѣ и данъ мнѣ отъ военной коллегіи паспортъ съ объясненіемъ въ ономъ бывшихъ повелѣній императора Александра Павловича, въ первомъ что дана мнѣ пенсія, а во второмъ что позволено мнѣ носить общій армейскій мундиръ. Получа сей паспортъ и оправдавшись имѣющимъ у меня квитанціямъ отъ полку Новгородскаго противъ своевольнаго налета отъ господина Шенбека да меня

нять въ службу отъ воли государя! мнѣ же послѣдовало, а жить въ Петербургѣ для луждъ своихъ не воспрещается; прочихъ же сталъ записывать: когда и за что выключены, или отставлены; признаюсь прискорбно душѣ моей было что я не сдѣлался участникомъ милости его императорскаго величества! Жилъ въ Петербургѣ еще двѣ недѣли, совался по знакомымъ спрашивалъ что мнѣ дѣлать? и былъ у графа Петра Алексѣевича Палена бывшаго в то время въ Петербургѣ военнымъ губернаторомъ въ слухѣхъ объяснилъ все мое положеніе, что я не имѣю пропитанія, и печаль что не удостоился войти въ службу: онъ мнѣ совѣтъ далъ подать къ государю письмо еще о принятіи въ службу, или объ отставкѣ, какъ де и прочіе получили послѣ отказа. Я то и исполнилъ, самъ письмо отвезъ на почтовой дворъ и росписался въ книгѣ, содержаніе писма было коротко: самъ генераль Кутузовъ Голенщевъ оное поправлялъ; но со мной вышло еще хуже послѣ поданія письма чрезъ три дни подхватилъ меня молодой полиціймейстеръ князь Касаткинъ и привезъ на гаубвахту, арестовалъ меня, сказалъ „что есть на то повелѣніе отъ государя“ и не сказавъ за что оставилъ меня въ караулнѣ; послѣ сего комендантъ Ефимовъ прислалъ у меня спросить „за что я арестованъ“ отвечать не знаю; и такъ пробылъ я подъ арестомъ двѣ недѣли, и теперь не знаю за какую вину; а можетъ быть и государь самъ того не вѣдалъ. По прошествіи срока, ибо комендантъ Ефимовъ придши въ караулную мнѣ объявилъ повелѣніе государя, что я арестованъ только на двѣ недѣли; и подлинно послѣ сего срока онъ же мнѣ и шпагу принесъ и выпущенъ; а какъ отдали мнѣ шпагу тотчасъ пошелъ я къ Палену но оберъ-полиціймейстеръ Аплѣчевъ и не допустилъ насъ видѣть графа Палена, хотя къ нему и много приходили, дали мнѣ подорожную до Москвы и велѣли тотъ же часъ выѣхать за шланбомъ и такъ я 1801 года генваря 6 дня и пріехалъ въ Москву явился въ томъ же несчастномъ положеніи къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, которой мнѣ далъ подорожную до заштатнаго города Бронницы гдѣ остался мой походный экипажъ и два человека.

Забылъ я написать кто были мнѣ товарищи арестованные въ той же кордегардіи сидѣли, а именно генераль лейтенантъ Стояновъ въ тотъ же день взятъ былъ подъ арестъ, полковникъ Милорадовичъ, штабсъ капитанъ Шиловскій и хорунжій казачій, забылъ какъ зовуть, они уже давно тамъ сидятъ, никто ихъ и не судитъ и не спрашиваетъ; хотя отъ государя и приказано изъ слѣдовать скоро ихъ вини. По обыкновенію въ несчастномъ положеніи люди забываютъ другихъ, кон страдаютъ отъ разныхъ несчастныхъ приключеній, а мнѣ кажется всякую рану или несчастіе надлежитъ приложить самому къ себѣ: то вѣрно скорѣи и справедливо посудишь и решишь. На государя никому жаловаться нѣтъ reasonu, а несправедливости или неудовольствія другимъ вы-

ходять отъ господъ другихъ окружающихъ его в: шастливъ тотъ царь или король! у каго приближенные министры и прочіе должностные люди при немъ находились добродѣтельные люди и безъ корыстныхъ; у тѣхъ вѣрно подданные въ благоденствіи и набилили живутъ.

А у насъ умѣютъ только нажитца а о справедливости къ пользѣ отечеству и славы его императорскаго величества мало кто имѣетъ смѣлость изъяснить: рѣдкаго достоинства былъ сенаторъ во время жизни Петра Перваго князь Долгорукій Яковъ Федоровичъ, который имѣлъ истинную къ Богу вѣру и привязанность къ отечеству говаривалъ съ императоромъ о правдѣ съ твердымъ духомъ, что было ему и отечеству полезно не боялся даже смерти объиомъ вся Россія съ почтеніемъ вспоминаеть.

Въ 1801-мъ же году жилили в въ Бронницахъ услышалъ отъ протопопа Ильи Константинова гдѣ квартировалъ, 16-го числа марта месяца, что государь Павелъ Петровичъ скончался въ 11-й день марта, тутъ я удивился промыслу Божию и сну что я видѣлъ того же числа записанъ оной въ псалтырь, который былъ слѣдующаго содержания будто палили изъ пушки очень большой что оной выстрѣлъ слышенъ былъ по всей Имперіи, и я носилъ слышалъ ту стрѣльбу и проснулся. По исполненіи на другой день присяги новому государю императору Александръ Павловичу писалъ я письмо къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, чтобъ мнѣ позволить въ разсужденіи таковой перемѣны ехать еще въ Петербургъ и искать справедливости, которой мнѣ и отвѣчалъ письмомъ же, что уже всѣхъ отставныхъ и выключенныхъ государь императоръ Александръ Павловичъ велѣлъ указомъ именнымъ считать отставными, и потому могу я пріехать въ Москву и взять свои мѣры, почему я на другой день отправился въ Москву и отъ туда по совету его сиятельства поехалъ въ Петербургъ гдѣ представившись къ императору объявилъ свое желаніе письменно чрезъ генерала Ламба вице президента военной коллегіи, которое было слѣдующаго содержания. „Послѣ 38 лѣтъ въ полѣ службы почти въ безпрестанной войне сверхъ баталіи, и былъ на трехъ штурмахъ, гдѣ и раненъ, имѣю отъ роду 51 годъ, еще охотно служить его императорскому величеству желаю, только с темъ чтобъ отъ дать мнѣ старшинство“. Уже и не думалъ о жалованье хотя тогда всѣмъ принятымъ въ службу никому не давали, но честолюбіе и слава къ отечеству принуждали меня еще служить, а промыселъ Божій и воля Государя сдѣлали меня спокойнымъ въ отставкѣ и данъ мнѣ отъ военной коллегіи пашпортъ съ объясненіемъ въ ономъ именныхъ повелѣній императора Александра Павловича, въ первомъ что дана мнѣ пенсія, а во второмъ что позволено мнѣ носить общій армейскій мундиръ. Получа сей пашпортъ и оправдавшись имѣющимся у меня квитанціямъ отъ полку Новоуродскаго противъ сиевольнаго наклепа отъ господина Шенбека на меня

долгу по дѣламъ сего полку съ объясненіемъ и отъ меня поданнымъ въ военную коллегію, тамъ же и оставилъ мой еще рапортъ на разсмотрѣніе о моихъ претензіяхъ, на томъ же полку выданныхъ на кормъ лошадей полковыхъ и всѣмъ господамъ офицерамъ уплатилъ всѣ ихъ вычтенныя денги, и употребленныя на покупку фуража казеннымъ лошадямъ изъ своихъ собственныхъ коней всѣхъ приходилъ мнѣ возаратить до семи тысячъ рублей! уехалъ съ надеждою сею что когда нибудь истина пойдетъ по своей тропе и встретившись съ государемъ объяснить правду; тогда оную оумму мнѣ вѣрно и отлуетятъ.

У его императорскаго величества былъ я на глазахъ два раза, первой какъ представлялся, а во второй благодарилъ за пенсію и мундиръ, тутъ же удостоенъ былъ поцеловать ручки государыни! его супруги Елизаветы Алексѣевны. А потомъ на перекладныхъ по почте пріехали въ Москву явился къ графу Салтыкову и отдавши въ комисариатъ о пенсіи указъ поехалъ увидѣть свою дочь Софью Сергѣевну, которую нашелъ у Настасьи Ивановны слава Богу здоровую, сему порадовался; а опечалился темъ, что услышалъ твердое решеніе жены моей Настасьи Ивановны, которая жить со мною вмѣстѣ ни на какомъ основаніи не хочетъ; и такъ я съ сею тяжелою раною и поехалъ обратно жить въ городъ Бронницу; на то есть два реазона 1-е что еще на домъ я не получилъ резолюціи, а 2-е и дорого жить въ Москвѣ, итакъ остался въ ономъ городѣ, буду дожидатца съ терпеніемъ перемены жизни своей и препоручивъ себя во всемъ воли и промыслу всемогущаго Бога!

Въ 1803-мъ году изъ военной коллегіи вышло решеніе, чтобъ я доходомъ дома моего пользовался и пенсію; но только не могъ бы его ни продать ни заложить; итакъ я изъ Бронницы переѣхалъ въ Москву со всемъ своимъ экипажемъ въ домъ свой состоящей на Малой Дмитревкѣ а денги собранныя отъ постоя дома всего 240 ру. отдалъ въ управу благочинія а оттуда представлены въ губерское правленіе, гдѣ и о сю пору хранятся и мнѣ не возвращены; въ домѣ нашолъ много полорченаго а въ другомъ мѣсте изломано заборъ же весь вокругъ дома сгнилъ; принужденъ былъ новымъ обградить и въ конюшни стоялъ прибавить для наемщиковъ; а денегъ не доставало: и такъ рѣшился весь свой сервизъ серебряной чаши, блюда, соусники, тарелки, ложки, ножи и вилки, шандалы большія и ломберныя и прочѣе продать; получивши денги всею въ домѣ исправилъ и потомъ наемщики жили съ дому дохода получалъ 900 ру., а иногда и тысячу; началъ поправляться при умеренности своей жизни, накупилъ лошадей, карету, коляску и прочія вещи, что надлѣжало для дому и выѣзда; нанявалъ кучера или форейтора; ибо два только человека были большія, а прочія малолѣтныя; зимою всегда жилъ въ Москвѣ, а лѣтомъ по знакомымъ своимъ въ деревняхъ, какъ то: у Степана Степановича Апраксина, у Петра Крисифонича Обольянинава, у Федора Сергѣевича Лужина и у прот-

чих гдѣ мѣсяць, гдѣ неделю а гдѣ и двѣ недели: такимъ образомъ въ спокойствіи проводилъ свою жизнь до 1812 года *)).

Въ Ольговѣ я жилъ съ 24-го октября 1812 года до 11-е число мѣсяца декабря уже 1815 года, всего три года и 16 дней. Отведенъ мнѣ былъ домъ летней; однакожь я в немъ прожилъ три зимы и до техъ поръ держался тамъ, пока занемогъ простудю коликою въ левомъ боку опять адѣлались pleuresie противъ самаго сердца; Степанъ Степановичъ Апраксинъ съжалился надъ моимъ состояніемъ позволилъ мнѣ переѣхать въ село Перемилово его же владенія гдѣ занялъ одинъ флигель и съ моими людьми; благодарилъ Бога! и Степана Степановича, что позволилъ жить въ тепломъ домикѣ, 10 верстъ отъ Ольгова Дмитревскаго ж уѣзда, а отъ горъ Дмитрева 3 версты.

Живши въ Ольговѣ время проводилъ, ездилъ на охоту съ борзыми собаками, а зимою съ ружьемъ на лыжахъ ходилъ почасту за зайцами; сіе дѣлалъ для моціону, чтобъ натуральныя члены тѣла не ослабѣли, иногда читалъ книги иногда о чемъ нибудь сочинялъ; какъ то окончилъ въ Ольговѣ о Страшномъ Судѣ, выбравъ изъ Библии Ветхаго и Новаго Заветовъ всепредвѣдущаго Бога! въ Троицы единосущной славимаго, чрезъ его пророковъ; еще большая тетрадь подъ названіемъ *Зеркало познаны себя*, со многими замѣчаніями и о прочимъ вырванными изъ Библии жъ, къ познанію и объясненію ближнему; исправлялъ ошибки какъ переписывали въ прежнихъ тетрадяхъ, кои мною жъ сочинены, а имянно тетрадь большая „о военныхъ осторожностяхъ къ познанію службы для каждаго чина;“ еще тетрадь „о первомъ священникѣ Мелхиседекѣ“, какъ онъ остался безродель, доказательство приведено изъ священнаго писанія; еще тетрадь „возраженіе на книгу жидовскую“ или увещаніе что І. Христосъ сынъ Божій! общій Спаситель! уже былъ на земли; доказательство выбрано изъ пророчествъ кои были ихъ же роду іудейскаго.

Забывъ я написать, какъ изъ города Бронницъ переѣхалъ я жить въ Москву былъ очень боленъ имѣлъ pleuresie отъ простуды въ правомъ боку, или лугче сказать одинъ Богъ знаетъ отчего; но увидя себя на концѣ жизни, послалъ за попомъ своимъ духовникомъ, чтобъ пріѣхалъ съ дарами таинства Божія и меня исповѣдавши бѣ причастилъ; что и совершилось; благодарилъ всемогущаго Бога! Послѣ приобщенія на третій день сдѣлалось мнѣ легче, такъ что день ото дня приходилъ я въ лугче состояніе однакожь оной болѣзни продолженіе было около трехъ мѣсяцевъ; во время исповѣди общался я естли останусь живъ и здоровъ, сходитъ пѣшкомъ къ мощамъ угодника Божія! Сергія Радонежскаго чудотворца! и пралодобному Сергію отслужу мо-

*) Идѣе пропускомъ разсказъ Мосолова о пребываніи французовъ въ Москвѣ, помѣщенный въ восьмой части „Бумагъ 1812 года“, стр. 335.

лебенъ приложится къ его мощамъ. Благодарить Бога! что сіе обѣщаніе по изздоропленіи я исполнилъ. Къ Троицѣ лавры дошелъ я въ 8-й день къ вечеру; а на другой день отелушавъ литургію и потомъ то обѣщаніе исполнилъ; послѣ ж сего завѣщаль я къ Иванію къ митрополиту Платону и онъ тогда былъ боленъ правою рукою не владѣлъ, посидѣвъ у него часа 2, возвратился въ Москву благополучно; и такъ въ домѣ своемъ началъ жить преноручивъ себя во всемъ промыслу всемогущаго Бога! А потомъ что случилось со мною выше сего объяснилъ. Сія болѣзнь во мнѣ была въ 1806-мъ году и въ томъ же году и пѣшкомъ ходилъ къ Троицѣ лавры.

А въ 1817-мъ году сельцо Перемилово въ которомъ я жилъ, поступило по рядной въ приданое за дочерью Софьею Степановною: то Степаль Степановичъ Апраксинъ писалъ ко мнѣ письмо, чтобъ я изъ того села выѣхалъ; почему и принужденъ я былъ искать себѣ квартиру въ гор: Дмитревѣ или купить домикъ; квартиры за постоемъ полку не нашель; а купилъ домъ у исправника Дмитрія Ивановича Савастагулова, въ которомъ по совершеніи купчей и началъ по опредѣленію всемогущаго Бога! жить съ моими людьми съ 7-го числа мѣсяца мая 1817 года, а впредъ что со мною будетъ отдаюсь на волю моего Создателя! Онъ единъ предвѣдушъ.

Объяснилъ я поступки по службѣ для государя! и отечества, и о прочемъ; а потомъ захотѣлось написать и некоторыя свои молодыхъ дѣтъ шалости и любопытныя случившіяся во время прошедшихъ дней моей жизни нехудо человѣку и въ норокахъ своихъ признатся кто сіе прочитаетъ будить отъ того гдѣ только можно остерегаться.

Какъ адъютантомъ былъ въ Архангелогородскомъ пѣхотномъ полку, въ праздное время учился я у музыканта Быхова плавать по водѣ одинъ и съ фашною, онъ очень былъ этому мастеръ; при Фалчи въ Молдавіи Прутъ рѣку я переплылъ съ онымъ Быховымъ имѣвши передъ собою въ рукахъ фашину, а какъ пошли отъ рѣки Илошны уже бывши съ полкомъ въ Валахіи въ корпусѣ генераль вѣшефа Весена; и случилось полку итти подлѣ берега рѣки большой Дунай, день былъ очень жаркой; садятъ и много офицеровъ отлучено было мыться и купаться въ Дунай, захотѣлось и мнѣ; отпросился я у подполковника де-Лассія, что нынѣ полнымъ генераломъ, и пошелъ съ подпоручикомъ Шестаковымъ купаться, у берегу много я плавать и легко чему очень дивился Шестаковъ, что я мистеръ; отъ сей похвалы родилось желаніе переплыть Дунай; а къ тому жъ и понуждало меня то, что сказали есть тамъ на островѣ удивительныя нещеры; я перекрестясь и поплылъ; и переплывши уже средину, какъ взглянулъ, что тамъ очень крутой берегъ; то и испугался

что мнѣ пристать будетъ тамъ нельзя и негдѣ; и такъ от сего воображенія ту жъ минуту у меня руки опустились; я принужденъ повернуться назадъ, и лишь доплылъ до Стержня рѣки, гдѣ быстрее всегда вода течетъ, понесла меня оная по своей волѣ; я имѣлъ еще силы закричать Шестакову, чтобъ онъ постарался меня спасти — тону; а онъ не скоро и повѣрилъ, думалъ, что я кричу шутя; но увидѣлъ что всѣ уже люди на берегу бывшіе зачали съеститься: стали искать тѣхъ, кто умѣетъ плавать; ибо тутъ лодки нигдѣ не было, а я уже изъ памяти выбился и захлебнулся нѣсколько разъ: къ щастію моему онъ нашель бомбандира роты капитана Базина, зовуть его Иванъ Григорьевичъ Дураковъ, которой плыть пустился поосрединѣ и увидѣлъ только мои волосы; меня догнавъ и нырнувши подъ меня такъ былъ силенъ, что одною рукою меня до половины изъ воды высудулъ наверхъ; котя и былъ я безъ памяти, однакоже проглянулъ на свѣтъ. Онъ вель меня какъ рыбку одною рукою къ берегу, а другою илывъ, или лучше сказать гріобъ; послѣ еще помогъ ему 1-я роты салдаты Агѣевъ; приведши меня къ берегу не вытащить всего меня вонъ изъ воды, и весь корпусъ мой держалъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока я всю воду выблевалъ вонъ; и думаю тѣмъ спасъ меня отъ водяной болѣзни или отъ горячки. Какъ топулъ эту смерть я точно испыталъ; ибо уже безъ чувствъ былъ; мучила меня совѣсть долго, что я произвольно и безъ нужды поплывъ на ту сторону, и сдѣлаеса самъ себѣ для похвалы убицею. Сему бомбандиру я заплатилъ асію, что имѣлъ у себя дома денегъ, да у Базина капитана выпросилъ его въ 1-й классъ для большого жалованья; сей случай, думаю, помнить господинъ шефъ того полку что въ Москвѣ, генералъ маіоръ Рехенбергъ; ибо онъ въ томъ же полку былъ, служилъ прежде поручникомъ, а потомъ капитаномъ, да можетъ быть и бомбандиръ Дураковъ еще живъ.

2-е. Еде тонулъ на Кавказской линіи, на рѣкѣ Терекѣ, этому свидѣтель Степанъ Степановичъ Апраксинъ; поѣхали мы осмотрѣть всѣ мосты по дорогѣ, что идутъ въ Груаю, тѣ, кои Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ дѣлалъ, для монумента своего имени, за Владикавказомъ названнаго отъ него жъ крѣпостію; а то было бездѣльный редутъ, четверугольный изъ каменьева сложень, какъ огорода окладываютъ; а онъ за таковыя крѣпости и эту дорогу болѣе 700 тысячъ рублей уходилъ изъ казны иврской; доѣхали мы до перваго той рѣки пролива увидѣли пирамиду, на подобіе вереты Царселской, что тамъ казалось чудесами, на которой вырѣзаны слова я позабылъ что, а мосту только осталось клочки железа, несъ вода изомала, ибо онъ былъ деревянной, окрѣпленъ железомъ. Отъ сего Степанъ Степановичъ Апраксинъ воротился назадъ, а я поѣхалъ съ 6-ю казаками впередъ далѣе въ горы, чтобъ и другой увидѣть проливъ. Доѣхавши до онаго рѣки Терека; тамъ уже мосту и аякоуть

нѣтъ, гдѣ былъ; сей рукавъ я переѣхалъ кой-какъ съ большою опасностію и съ казаками, очень вода быстра, я только была по колѣно лошади; но чрезъ 8-й рукавъ той рѣки казаки мои не ѣдутъ, а говорятъ мнѣ „что тутъ какъ „Тамара полковникъ ѣхалъ изъ Перея, то будто бы пять человѣкъ казаковъ „утонуло“. Я этому разсмѣялся и сказалъ, видно лошади ихъ были пьяны; а самъ ударилъ свою лошадь плетью, которая прыгнула въ воду и не успѣлъ я отъѣхать отъ берегу на 4-ть шаговъ, какъ лошади мои повалились отъ быстроты воды и упору въ лошадей, хотя и по колѣно есть только глубины. Я ухватился за гриву и потомъ оторвался, вода меня то зальетъ, то я встану на ноги и боровшись съ водою сержусь, что не могу итти; но какъ изъ силъ выбился, то уже вода покатила меня какъ камень, и къ шастію моему прибила волнами ближе къ тому берегу, по которому казаки бѣжали и не спускали меня съ своихъ глазъ, подали мнѣ конецъ тупой пикки, и держали двое другой, боялись видно, чтобъ я ихъ не стащилъ въ воду; и такъ я ухватившись, ибо былъ еще въ памяти, за конецъ пикки меня вытащили на берегъ, гдѣ я отдыхалъ болѣе четырехъ часовъ, а лошадь пропала и съ седломъ, водою унесена. Дали мнѣ казаки свою лошадь, а двое на одну сѣли, доѣхали мы до славнаго Владикавказъ, которой никогда не владѣлъ Кавказскими горами, и около ихъ горскими жителями. Отъ того мѣста оной редутой былъ въ 23 верстахъ тамъ отдохнувши, ибо былъ весь мокрой немного посушился пріѣхалъ потомъ въ Моздокъ гдѣ и Апраксина нашель; онъ удивился что со мною случилось; я ему отвѣчалъ, что я доѣхалъ до самаго нелья; однакожь послѣ сего нелья, я сдѣлался болель горячкомъ и уже въ Москвѣ вылѣчился, какъ пріѣхалъ жениться на Настасьѣ Ивановнѣ Бутрюмовой, что и свершилось въ церкви Рождества Христова на Петровской улицѣ 1785 года октября 8 дня; отецъ посаженой былъ князь Юръ Владимировичъ Долгорукой, а мать Марья Степановна Талызина, сестра родная Степана Степановича Апраксина.

8-е. Когда Крымъ мы локорили силою оружія, князь Потемкину, какъ прихотливому вельможѣ, возили ему всякой день Донскіе казаки свѣжій людъ, увѣряя всѣхъ, что они его доставятъ изъ пропасти на высокой горѣ; я это услышалъ, отпросился у своего полковника Апраксина; поѣхали мы трое до того мѣста, гдѣ берутъ людъ, съ капитаномъ гвардіи Киселевымъ Федоромъ Ивановичемъ, и майоромъ Карташовымъ; казакъ былъ намъ проводникъ; на дрожкахъ доѣхали мы до горы, а потомъ сѣли на казачихъ лошадей, и всіо на гору ѣхали верхами болѣе 5-ти верстъ. Потомъ пріѣхали на площадку, на коей были плиты камня дикаго; я спросилъ казака гдѣ жъ то мѣсто, что вы людъ берете, онъ мнѣ показалъ; подѣхали мы къ ямѣ иррегулярной въ своей окружности, не болѣе кругомъ 26-ти аршинъ; отдавши лошадей держать казаку, и зачали спусцаться за казаконъ внизъ, то есть шли мы всѣ трое; сту-

пень болѣе 40 сдѣлали, такъ уже свѣтъ мало былъ виденъ сверху. Потомъ казакъ привязалъ веревку къ камню, и спустился еще ниже, по веревкѣ цѣпляясь руками и перебирая внизъ, а намъ велѣлъ, коль скоро затрясютъ веревкою, тянуть оную вонъ, что мы и сдѣлали; и подлинно вытащили свѣжаго льду большой кусокъ. И втому не повѣрили говорю своимъ товарищамъ, можетъ быть туда казаки наклали льду, и насъ обманываютъ, а болѣе для того, чтобъ съ князя брать деньги за лѣдъ. Спустился и я туда къ казаку, и подлинно нашелъ правду ихъ; какъ будто бы въ погребѣ тамъ холодно, и сосульки сверху висятъ, а внизъ нора еще пошла, куда я камень кинулъ, но ахо отъ упаду не слышалъ; видно очень далеко; и Карташовъ спускался, только Киселевъ не хотѣлъ; отъ туда прѣехали и уже всѣхъ увѣрили, что казаки лѣдъ дѣйствительно изъ пропасти воятъ. Послѣ сей опытности, или повѣрки, я подумалъ о казакѣ первомъ, которой добровольно рѣшился спуститься въ неизвѣстную пропасть, гдѣ могъ бы получить смерть, единственно, чтобъ угодить роскошному вельможѣ, а намъ уже не ужасно было то исполнить; былъ смѣлаго духа человекъ.

4-е. Въ Инкерманѣ Таврической области, что послѣ давно названіе Севастопольская гавань, въ разсужденіи убѣжища грековъ и монаховъ ихъ служений отъ татаръ и турокъ,—сдѣлали они себѣ недалеко отъ пристани въ высокомъ берегу какъ въ горѣ каменной точно такіа пещеры, какъ у насъ въ Кіевѣ, но только изъ камня выкопанныя, внутри жилища, и тамъ же престолы Божіи были, гдѣ они служили литургіи для совершенія таинствъ; но какъ ихъ изъ острова Крыму совсѣмъ выгнали, то тѣ мѣста видно послѣ трясенія земли открылись; половина ихъ вся упала въ заливъ морской, а другая осталась; мы туда прѣехали съ Апраксинымъ Степаномъ Степанычемъ осмотрѣть старый Херсонесъ, въ которомъ князь Владиміръ крестился и женился на царевнѣ Листвѣ Константинопольской; то тутъ намъ одинъ офицеръ сталъ пересказывать объ оныхъ пещерахъ; и такъ я рѣшился ихъ видѣть, и долѣли мы съ нимъ наверхъ; тропинка была очень узкая, правымъ плечіемъ держались къ боку горы, а лѣвѣю была крутизна въ море вышины болѣе 130-ти сажень, насилу долѣли; тамъ я списывалъ надписи въ каждой келіи и надъ престолами, писано было по гречески; высмотрѣвъ всю, сходить стали назадъ; тогда то почувствовалъ я внутри что такой за страхъ и ужасъ предтоящей и видимой смерти; и мой товарищъ поблѣднѣлъ; но другъ другу изъ честолюбія о робости души скрывали: ибо въ каждой ступени лишь бы нога оскользнулась, то должно упасть въ море; а ширины дорожка наша была не больше аршина; гдѣ было ужасное мѣсто для схода, Бога просилъ простить меня, что уже въ послѣдній разъ сей для любопытства проступокъ противъ здраваго разсудка сдѣлалъ, только вѣдалъ бы насъ благополучно; съ Его святою помощію сдѣлаи

мы, и пришедши все мы рассказали Апраксину. Оттуда съ нимъ поѣхали въ городъ Козловъ и Бахчисарай и въ прочія мѣста достойныя видѣть,—и возвратились благополучно къ своему мѣсту. Забылъ я написать, прежде сего былъ я на горѣ, ирванной Четырдау въ Крыму же, до половины оной верхою взлѣхалъ, а тамъ пѣшкомъ съ татаринкомъ взошли: съ которой горы, если бѣ зрѣніе доставало, можно бы весь Крымъ увидѣть.

Дуэли по волѣ моеи имѣлъ два раза, а секундантомъ былъ три раза.

1-я дуэль была у меня какъ былъ еще поручикомъ; стояли мы лагеремъ подлѣ Журжи, что на Дунаѣ, съ подпоручикомъ артиллеріи Новосильцевымъ, которому я ухо перерубилъ, и на рукѣ рану далъ; но онъ такъ оробѣлъ, что на колѣняхъ стоя просилъ у меня прощенія; меня жъ немного по рукѣ онъ зацѣпилъ; дрались шпагами; бывши въ корпусѣ графа Ивана Петровича Салтыкова; за то что онъ деранулъ нашихъ офицеровъ вообще при мнѣ бранить. О сей дуэли зналъ Тарсуновъ Ардалионъ Александровичъ, что мнѣ при дворѣ Его Величества служить, а тогда былъ онъ квартирмейстеромъ въ 4-мъ гранадерскомъ полку.

2-я дуэль была уже въ 4-мъ гранадерскомъ полку я служилъ капитаномъ; въ Польшѣ стояли лагеремъ,—съ капитаномъ Ивановымъ. И у его руки пальцы перерубилъ, что уже не могъ держать и шпаги; тутъ и помирились; а произошло за то, что онъ приревновалъ къ своей дѣвкѣ, къ которой я какъ Богъ святъ! ничего не чувствовалъ и не имѣлъ дѣла; въ командѣ были тогда у бригадира Левашева Александръ Ивановичъ; о чемъ и онъ послѣ узналъ, и Степанъ Степановичъ Апраксинъ потомъ узналъ.

Въ 1-й разъ секундантомъ былъ у майора Григорья Потаповича Зиновьева и у поручика Карабина Николая Григорьевича, кои служили въ томъ же 4-мъ гранадерскомъ полку, стоявши на квартирахъ въ городѣ Рославлѣ Смоленской губернии. Они стрѣлялись, но къ щастію обиженой, т. е. Зиновьевѣ, не попалъ въ Карабина; то я сохотѣ далъ поручику Карабину уже выстрѣлить вверхъ, дабы самому послѣ не попасться въ бѣду, если бы кто убить былъ; отъ сего великодушія они и помирились.

2-й разъ въ Москвѣ какъ дрались на шпагахъ князь Сергѣй Ивановичъ Адуевскій съ княземъ же Ивановъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ; я тогда жилъ въ домѣ Степана Степановича Апраксина, и былъ тогда немного боленъ; какъ сей Адуевскій пріѣхалъ и просилъ меня въ секунданты къ себѣ, что онъ ѣдетъ драцца; я было не хотѣлъ, но Степанъ Степановичъ меня упробилъ. Рубились они на шпагахъ у Петровскаго двора въ лѣсу, и Гагаринъ уже было его погналъ, даже мой Адуевскій поскользнулся и упалъ; то я останоив ударъ отъ шпаги, которой летѣлъ по головѣ, и сказалъ Гагарину, дай противнику

исправиться, ибо я былъ у обѣихъ одинъ секундантъ, на что самъ Гагаринъ согласился встать тому; а опослѣ сего Гагаринъ уже былъ порубленъ въ руку; тутъ я ихъ и развелъ; ибо уговоръ былъ до первой раны; и какъ я привезъ домой цѣлаго Адуевского; то жена его и всѣ дѣти бросились ко мнѣ съ радостію благодарить за спасеніе отъ раны.

3-й разъ былъ секундантомъ у вначатнаго своего брата Пафиутія Алексѣевича Мосолова въ Петербургѣ еще при жизни Г. Екатерины Алексѣевны. Онъ на палашахъ рубился съ поручникомъ конной гвардіи Сабуровымъ. Пришли они оба въ конюшню полковую, и былъ обѣихъ свидѣтель, и другой просилъ меня и вѣрилъ мнѣ. Пафиутій Мосоловъ проигралъ и былъ въ двухъ мѣстахъ раненъ, по щекѣ и по плечу очень больно; я ихъ развелъ, и потомъ помирились. Ибо братъ обидѣлъ Сабурова въ разговорахъ, и я тогда былъ еще секундъ майоромъ.

Пьянъ былъ я отъ роду 7-мь разъ. Въ капитанскомъ чинѣ одинъ разъ въ Польшѣ въ селѣ Красномъ у полковника Матвія Петровича Ржевскаго; былъ обѣдъ въ день его Ангела; всѣхъ офицеровъ онъ употчивалъ досыта, и сдѣлался между капитанами споръ о повиновеніи и любви солдатской къ своему командиру. Нѣкоторые офицеры говорили, гдѣ есть слѣвее повиновеніе, тамъ уже нѣтъ и любви искренней къ начальнику. Я спросилъ напротивъ, все можетъ сдѣлать въ свидѣтахъ, когда капитанъ хорошъ, то солдаты его боятся и любятъ; а какъ была моя рота гранодерская и стояла въ штабѣ: то я съ позволенія полковника и послалъ за нею, чтобъ пришла съ ружьями; рота собралась передъ квартиру полковника, и хотя тогда былъ уже очень пьянъ, ему отдалъ честь, а потомъ велѣлъ зарядить ружья; и какъ они отъезжали, что нѣтъ холостыхъ патроновъ, то я приказалъ зарядить съ пулями, чтобы выстрѣлить въ воду; ибо у двора былъ прудъ. Они зарядивши съ пулями послушались, а я какъ стоялъ передъ ротою на мѣстѣ, такъ и командовалъ залпъ будетъ, и выстрѣливши закричалъ ступай ступай и самъ въ воду кинулся, и они всѣ за мною бросились въ воду; однакожъ если бы меня гранодеры тутъ не спасли, я бы вѣрно захлебнулся, ибо очень былъ пьянъ, вытащили мокраго. На другой день уже споръ рѣшился симъ опытомъ; ибо повиновеніе было, что гранодеры послушались броситься въ воду, хотя и всѣ перемокли и вымарались. А любовь была доказана, что меня спасли изъ любви и сожалѣнія собственно своего и вытащили вонъ; а осторожность была соблюдена та, что противъ меня ряды не стрѣляли вида меня пьянаго.

Еще былъ въ майорскомъ чинѣ два раза въ Москвѣ и Петербургѣ. А въ подполковничьемъ чинѣ ни разу не былъ. Въ полковничьемъ чинѣ пьянъ былъ три раза въ Деражнѣ, у Василія Ивановича Турчанинова, у него обѣдали и потомъ по солдатски подкуликнули, гдѣ былъ и Степанъ Степановичъ Апра-

ксивъ. Въ Польшѣ, въ Винницѣ и въ Авдѣиполѣ въ Безарабіи, сію крѣпость строилъ и съ полкомъ на лиманѣ Чернаго моря. Какъ у меня былъ въ полку полковой правдикъ, со всѣми штабъ и обиръ офицерами гуляли въ лагерѣ. Да въ генераль маіорскомъ чинѣ одинъ разъ у Апраксина Степана Степановича какъ къ нему заѣхалъ проститься въ Овдѣиполѣ, ѣхавши къ полку своему въ Гродно, тогда чудъ было не умеръ отъ проклятаго пунша.

Играть въ карты началъ я съ чинѣ адъютанскаго, а причиною былъ сего: никто былъ поручникъ въ дежурствѣ графа Румянцова Задунаяскаго Шершнева; до того меня выучилъ и обыгралъ, что послѣ уже сталъ брать въ долгъ, и ему проигрывать; однакожъ нашего полку секундъ маіоръ Адлербергъ много меня отъ сего восдержалъ; но во всю мою жизнь никогда изъ вещей своихъ ничего не проигрывать; а послѣ какъ узналъ всякаго сорта игры, то уже имѣлъ контенансъ и осторожность, и сталъ выигрывать самъ, а особливо какъ въ Нольшѣ стояли; тутъ мнѣ очень пощастливилось, и что я имѣлъ хорошихъ вещей и именіе по большей части отъ выигрышу; язенныхъ же денегъ никогда не касался; правду сказать, что иногда занималъ у своихъ братьевъ, кои вѣрили мнѣ безъ росписокъ; но выигравши или получивши отъ куда деньги, всегда скоро долги платилъ. Мнѣ же остались и о сѣ пору должные: Вабарыкинъ, что былъ въ сечатѣ прокуроръ, а со мной служилъ поручникомъ 300 руб. въ Архангельскомъ полку. Гедесоновъ, что былъ въ Астрахани комендантомъ, 1000 рублей. Князь Шербатовъ Иванъ Михайловичъ, что былъ полковникомъ въ Московскомъ полку, 150 руб.

А брали въ долгъ подполковникъ Бемъ, которой былъ у меня въ полку, 400 руб. Въ томъ же Новогородскомъ полку служилъ и пошелъ въ отставку поручникъ Вельяминовъ 310 руб. На подпоручникъ Ничуровъ 420 руб. Да на полку Новогородскомъ по прегеніи на комисіи провіанской 11216 руб. Въ разные времена въ полкъ не отпущены, кои я принималъ на счетъ полковаго исправленія. На подполковникъ Стояновъ, что нынѣ генераль лейтенантъ 300 руб. Не воѣхъ сихъ денегъ выигранныхъ и забранныхъ въ долгъ и о сѣ пору считаю въ умѣ, а получу когда ихъ совѣсть узнаетъ. Теперь бы въ Бронницѣ годилось на мелкіе расходы, да видно, не знаютъ, что я ни полушки, кромѣ половинной пѣисіи ни откуда доходу не имѣю, и вѣрно не слышать о нуждѣ ближняго.